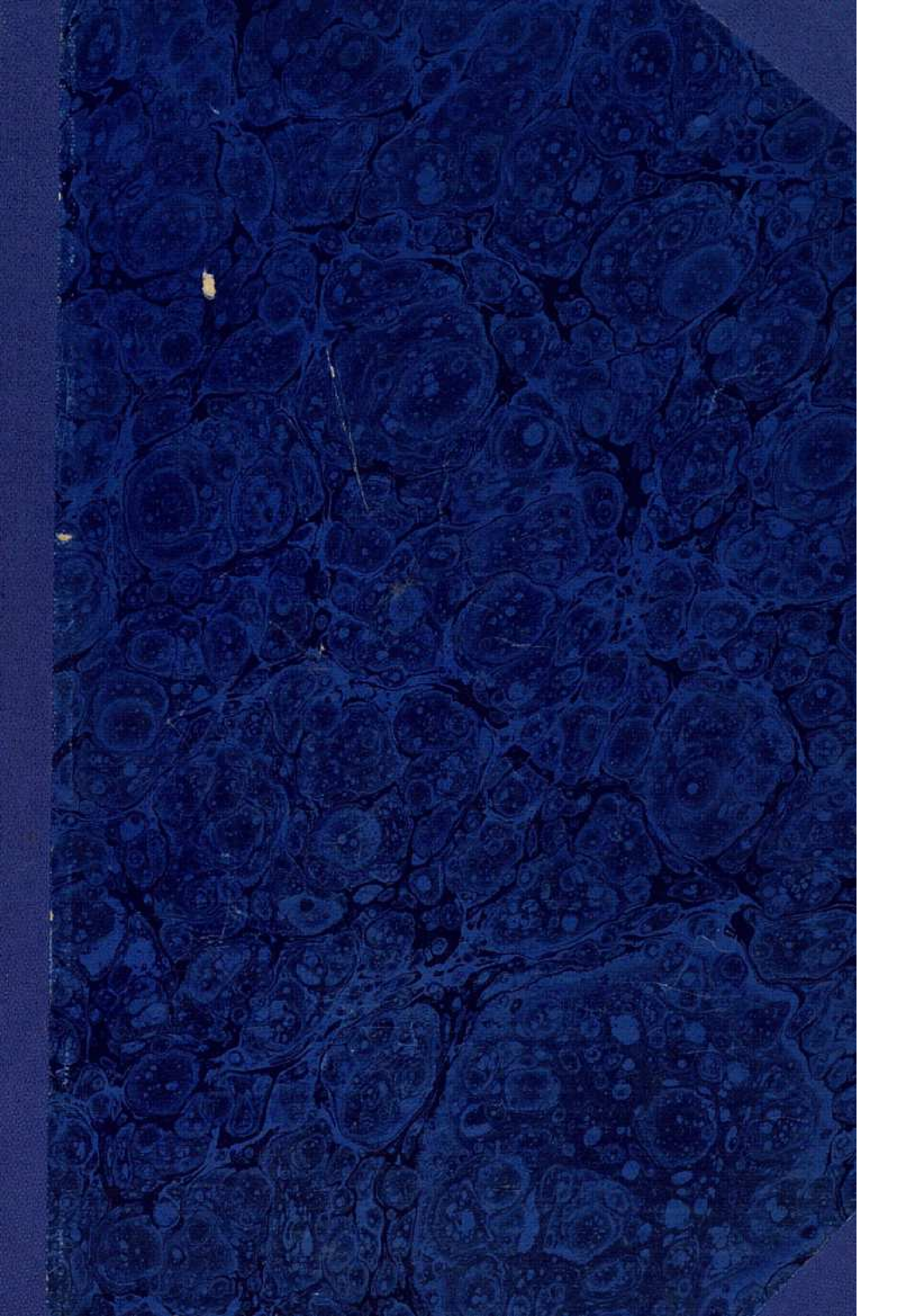

И. В. ГУРСКІЙ

ПОѢЗДКА НА СѢВЕРНЫЙ УРАЛЪ.

Съ картой и чертежемъ.

(ИЗЪ ДНЕВНИКА).

ПОѢЗДКА НА СѢВЕРНЫЙ УРАЛЪ.

(Изъ дневника И. В. Гурскаго).

Лѣтомъ 1892 г. Тобольскимъ купцомъ А. А. Сыромятниковымъ снаряжена была экспедиція на Сѣверный Уралъ для изслѣдованія залежей мѣдной руды, находящихся на западномъ склонѣ на берегахъ рѣчки Большой Харуты, впадающей въ Лембу—притокъ р. Усы.

Руда эта была уже отчасти изслѣдована, по порученію г. Сыромятникова, еще въ 1885 г. штейгеромъ Кольштедтомъ, который нашелъ, что она состоитъ изъ мѣднаго колчедана и малахитовой зелени, залегающихъ въ известковомъ шпатѣ. Поэтому экспедиція А. А. Сыромятникова поставила себѣ цѣлью провѣрить изслѣдованіе Кольштедта и рѣшить вопросъ, заслуживаетъ ли руда разработки, принимая во вниманіе трудности сообщенія, малонаселенность края, а также климатическія и экономическія условія мѣстности и жизни. А такъ какъ залежи руды находятся на западномъ склонѣ Сѣвернаго Урала, и, чтобы достигнуть ихъ, предстояло перейти этотъ послѣдній, и притомъ въ мѣстахъ, мало изслѣдованныхъ, то, попутно съ изслѣдованіемъ мѣдной руды, предполагалось, насколько будетъ возможнымъ, произвести изслѣдованіе этой мѣстности и въ естественно-историческомъ отношеніи.

Въ виду этого А. А. Сыромятниковъ, взявъ на себя всѣ хлопоты и издержки по устройству экспедиціи, любезно предложилъ принять въ ней участіе лицамъ, желающимъ научно познакомиться съ этой мало изслѣдованной мѣстностью. Такимъ образомъ, кромѣ самого г. Сыромятникова, въ экспедиціи приняли участіе: лѣсничій А. А. Андреевъ и кандидаты естественныхъ наукъ А. К. Боянусъ, М. К. Кокшаровъ и авторъ настоящихъ замѣтокъ,—всего пять человѣкъ. Кромѣ того, при экспедиціи находились штейгеръ В. Мухинъ, кузнецъ и двое рабочихъ.

Предполагалось, пользуясь теплымъ временемъ года, когда только и возможны развѣдочныя работы въ томъ суровомъ климатѣ, пробыть на мѣстѣ залеганія руды около 1—1$^{1}/_{2}$ мѣсяцевъ. Заготовленные припасы и были разсчитаны приблизительно на это время и состояли преимущественно изъ сухарей чернаго хлѣба, котораго на мѣстѣ достать невозможно. Если къ припасамъ присоединить горные инструменты, одежду и прочія вещи, необходимыя въ пути, то нетрудно понять, что весь багажъ экспедиціи достигъ довольно значительнаго вѣса.

Маршрутъ экспедиціи предначертанъ былъ слѣдующій: отъ г. Тобольска до с. Самарова—на пароходѣ, отъ с. Самарова до с. Мужей—въ крытой лодкѣ (каюкѣ), отъ с. Мужей—по Оби до устья р. Войкара и вверхъ по Войкару до подошвы С. Урала—въ небольшихъ лодкахъ, и, наконецъ, черезъ Уралъ—на оленяхъ, которыхъ предполагали нанять въ с. Мужахъ.

Такъ какъ путешествіе обѣщало быть интереснымъ, какъ съ точки зрѣнія ученаго изслѣдователя, такъ и съ точки зрѣнія простого туриста, то я рѣшилъ вести по возможности подробный дневникъ, чтобы впослѣдствіи имѣть возможность возстановить въ памяти всю картину путешествія и оживить снова въ воспоминаніи, какъ пріятныя, такъ подъ-часъ и тяжелыя его минуты. Нѣкоторая часть этого дневника, имѣющая общій интересъ, и помѣщена здѣсь, чтобы дать возможность читателямъ поближе познакомиться съ нашей поѣздкой на Сѣверный Уралъ. Выдержки эти я оставляю почти нетронутыми, въ томъ видѣ, какъ набросаны онѣ мною въ пути. Эту подлинность своихъ путевыхъ замѣтокъ я удерживаю съ тою цѣлью, чтобы позднѣйшей обработкой не измѣнить нѣкоторыхъ деталей описанія и сохранить цѣльность картины и полноту воспринятыхъ впечатлѣній. Только научныя наблюденія здѣсь нѣсколько разработаны, приведены въ порядокъ и дополнены нѣкоторыми соображеніями, какія можно было сдѣлать, оріентируясь въ собранномъ матеріалѣ (чертежахъ, коллекціяхъ и проч.) по возвращеніи уже въ Тобольскъ.

Это же желаніе сохранить подлинность дорожныхъ впечатлѣній, надѣюсь, искупитъ предъ читателями ту непослѣдовательность изложенія и тотъ недостатокъ стилистической отдѣлки, какія встрѣтятся въ предлагаемыхъ выпискахъ.

I. Отъ города Тобольска до села Мужей.

Изъ Тобольска выѣхали мы въ 12 часовъ ночи 30 іюня на пароходѣ Плотникова „Гражданинъ". Ночь была довольно теплая и освѣщалась полной луной. Пароходъ шелъ со средней скоростію 10—12 верстъ въ часъ, несмотря на то, что тащилъ три пустыхъ баржи, которыя значительно замедляли его ходъ.

Весь день 1 іюля, и до вечера 2-го, была прекрасная теплая и ясная погода. Но съ вечера 2-го числа небо заволокло сплошными облаками, и при довольно сильномъ вѣтрѣ пошелъ мелкій частый дождь, продолжавшійся съ небольшими перерывами всю ночь.

Утромъ 3 іюля въ 7 часовъ пріѣхали въ Самарово. Дождь утихъ часа на два, и небо начало проясняться, но около 10 часовъ опять заволоклось облаками, и полился тотъ же мелкій дождь, продолжавшійся весь день. Въ Самаровѣ посѣтили торгующихъ крестьянъ бр. Шейминыхъ и Земцова, у котораго и пробыли до самаго отъѣзда изъ Самарова. Василій Трофимовичъ Земцовъ, чрезвычайно симпатичный старикъ, принялъ насъ очень радушно.*) Благодаря его гостепріимству и внимательной заботливости, мы съ удобствомъ провели здѣсь весь этотъ дождливый скучный день. Онъ же заранѣе приготовилъ для дальнѣйшаго нашего путешествія *каюкъ* (крытая лодка). Эта лодка имѣла около 9-ти саженъ длины, была помѣстительна и удобна для плаванія по Оби, хотя и довольно тяжела. Закрытое помѣщеніе раздѣлялось въ ней на 2 каюты: переднюю, меньшую, занимали мы, а въ задней находились рабочіе и багажъ.

Утромъ 4 іюля начались сборы къ отъѣзду и нагрузка каюка, а около полудня мы вышли изъ Самарова, простившись съ радушнымъ хозяиномъ. Отсюда то начиналось наше самостоятельное путешествіе на собственномъ суднѣ. Въ качествѣ гребцовъ были взяты изъ Самарова (по совѣту Земцова) шесть дѣвушекъ, такъ какъ онѣ согласились везти несравненно дешевле и работали нисколько не хуже мужчинъ. Старикъ кормчій оказался

---

*) Замѣтимъ кстати, что въ домѣ Земцова обыкновенно останавливались всѣ путешественники, посѣтившіе нашъ сѣверъ, какъ-то: Финшъ, Брэмъ, Поляковъ (1876 г.), Альквистъ, Гаге, Сомье (1880 г.) и Рабо (1889 г.).

плохо знающимъ свое дѣло, такъ какъ на разстояніи уже около трехъ верстъ отъ мѣста отправленія онъ засадилъ нашъ каюкъ въ кусты, не справившись съ боковымъ вѣтромъ. Вслѣдъ затѣмъ мы пошли по Березовскому протоку Иртыша, шириною мѣстами болѣе 3 верстъ (при разливѣ). Тамъ и сямъ па немъ попадались цѣлыя рощи*) тальника, затопленныя водою. Около 6-ти часовъ вечера вышли на Обь и плыли по разливу ея, отдѣленные отъ главнаго русла рощами затопленнаго тальника. Съ лѣвой стороны видны были такія же рощи и отдѣльныя группы деревьевъ, а въ просвѣтахъ между ними по ту и другую сторону открывалась безпредѣльная ширь рѣки въ ея разливѣ; справа, впрочемъ, вдали виднѣлись горы. По разливу Оби вода вообще не глубока, и довольно часто намъ попадались мѣста, гдѣ гребцы доставали до дна веслами, а часовъ около 8 вечера мы даже сѣли на мель, на которой и простояли около часу, пока удалось общими усиліями столкнуть каюкъ. Часовъ въ 10 вечера мы въ первый разъ перевалили черезъ Обь, имѣвшую здѣсь около 2-хъ верстъ ширины, не считая разлива. Къ югу отсюда видно было съ правой стороны устье Иртыша, не ясно впрочемъ отграниченное, вслѣдствіе сильнаго разлива, отъ самой Оби тальниковыми рощами. Ночевать остановились въ Бѣлозерскихъ остяцкихъ юртахъ на правомъ берегу Оби. Юрты были сплошь затоплены водой, и мы стали среди нихъ на якорѣ. Вообще большинство остяцкихъ поселеній расположено на низкихъ мѣстахъ ради удобства рыбной ловли, составляющей главный источникъ существованія здѣшнихъ жителей. Поэтому всѣ почти юрты въ первой половинѣ лѣта бываютъ затоплены водой.

Утромъ плыли вдоль того же берега, круто возвышающагося здѣсь отъ 10 до 15 саженъ и образующаго массу обваловъ, вслѣдствіе подмыванія во время весенняго разлива. *Гора* эта прорѣзана частыми поперечными глубокими оврагами, что придаетъ ей издали видъ зубчатой стѣны съ тупыми закругленными вершинами. Берегъ песчаный съ большимъ или меньшимъ содержаніемъ глины, наверху и въ оврагахъ покрытый хвойными породами, среди которыхъ, кромѣ ели (Picea obovata Led.) и сосны (Pinus silvestris L.), немало и кедровъ (Pinus Cembra L.). Береговая линія очень извилиста и образуетъ большіе заливы (курьи) отъ 2 до 5 верстъ въ поперечникѣ. Нерѣдко попадаются большія отлогія, выдающіяся въ рѣку, косы и высокіе, параллельные берегу, песчаные бугры, или дюны, какъ ихъ называетъ Сомье.

*) Зарослями ихъ назвать нельзя, такъ какъ составляющія ихъ И. черноталъ и И. миндальная довольно большія деревья.

Одну такую дюну прошли сегодня утромъ. Она имѣла до 2 саженъ высоты, около 2 верстъ въ длину и шла параллельно правому берегу, отдѣляясь отъ него подобіемъ огромной лагуны, существующей, очевидно, только короткое время послѣ разлива. Около 2-хъ часовъ пополудни, при поворотѣ рѣки, у праваго берега замѣтили довольно сильный прибой волнъ и значительные валы по срединѣ, такъ какъ поднялся довольно свѣжій вѣтеръ, вслѣдствіе чего и остановились. Часамъ къ 5-ти вѣтеръ нѣсколько уменьшился, и мы отправились дальше; пройдя верстъ шесть, мы вошли въ *протоку* съ правой стороны рѣки и плыли между правымъ гористымъ берегомъ и рядами тальниковыхъ рощъ съ лѣвой стороны; ширина этой очень живописной протоки до 50 саженъ. Правый берегъ песчаный и глинистый, высотой приблизительно саженъ въ 20, покрытъ хвойнымъ и отчасти лиственнымъ лѣсомъ: таломъ (S. Caprea L.), березой (B. alba L.) и осиной (P. tremula L.); во время остановки въ лѣсу находили грибы—бѣлые (Boletus edulis Baill.) и масленики (B. luteus L.), и ягоды—красную смородину (Ribes rubrum L.) и княжнику (Rubus arcticus L.). Въ обнаженіяхъ мѣстами видны были прослойки красной и синей глины. 5-го іюля стояла теплая, ясная погода при почти безоблачномъ небѣ; но вѣтеръ въ первые два дня плаванія былъ неблагопріятный: то противный, то боковой.

Около семи часовъ вечера вышли изъ протоки въ Обь и плыли всю ночь до села Сухорукова, куда прибыли въ 4 часа 6-го іюля. Большая часть села была затоплена водой, вслѣдствіе чего каюкъ нашъ свободно вошелъ въ средину его. Въ улицѣ, гдѣ мы остановились, обращали на себя вниманіе нѣсколько деревянныхъ двухъэтажныхъ избъ и между ними домъ священника, а невдалекѣ церковь. Нѣкоторыя части села были, впрочемъ, свободны отъ воды; здѣсь на дворахъ можно было видѣть коровъ и кучи тальниковыхъ вѣтвей, составляющихъ здѣсь единственный кормъ для домашняго скота въ это время года. Въ Сухоруковомъ были взяты новые гребцы до Кондинска. Путь до Кондинска продолжался по тѣмъ же огромнымъ воднымъ пространствамъ Оби и ея разлива. Прирѣчныя болотистыя ложбины, залитыя весеннимъ разливомъ, здѣсь называются *сорами*. По этимъ то сора̀мъ большею частію и плыли, такъ какъ дулъ довольно сильный сѣверный вѣтеръ, и на Оби было порядочное волненіе. Сора̀, находящіеся преимущественно съ лѣвой стороны рѣки, соединялись между собою многочисленными протоками и каналами, нерѣдко даже шире самой рѣки, ограниченными вмѣсто береговъ большими тальниковыми рощами,—также въ водѣ. Въ промежуткахъ между такими рощами каналы эти соединялись

между собою поперечными протоками, составляя такимъ образомъ огромную сѣть между затопленными таловыми лѣсами, тянущуюся вдоль всего лѣваго берега Оби верстъ на 30—50 въ ширину. Мѣстами огромныя водныя равнины были открыты на 20—30 верстъ, и тогда на краю горизонта вода, казалось, сливается съ небомъ, а группы тальника и цѣлыя его рощи вдали казались висящими въ воздухѣ, будучи отдѣлены снизу свѣтлой полосой отдаленныхъ частей разлива, гдѣ уже незамѣтно было для глаза волнъ. Это даже напоминало отчасти картину миража. Весь этотъ и слѣдующій день стояла прекрасная теплая погода при почти безоблачномъ небѣ, и температура въ тѣни въ полдень достигала 20° R., несмотря на довольно сильный сѣверный вѣтеръ. По вечерамъ въ эти дни обыкновенно вѣтеръ совершенно стихалъ, но ночь бывала довольно прохладна, какъ и вообще всѣ ночи, проведенныя потомъ нами на Оби.

Въ 5½ часовъ попол. 7-го іюля прибыли въ Кондинскъ, или Кондинскій монастырь, расположенный на правомъ гористомъ берегу въ довольно живописной мѣстности. Это небольшое селеніе состоитъ изъ нѣсколькихъ десятковъ деревянныхъ избъ; жители его по большей части—русскіе; остяки живутъ лишь на окраинахъ села, и то въ небольшомъ числѣ. Здѣсь мы осмотрѣли монастырь въ сопровожденіи монахини, завѣдывавшей монастыремъ за отсутствіемъ игуменіи. Монастырь старинный, какъ видно и по самой постройкѣ и по внутреннимъ украшеніямъ (основ. въ 1656 г.); прежде онъ былъ мужскимъ, но лѣтъ 6—6 тому назадъ обращенъ въ женскій, вслѣдствіе малочисленности монашествующихъ. И надо отдать справедливость нынѣшимъ обитательницамъ монастыря, что въ рукахъ ихъ онъ находится въ очень удовлетворительномъ состояніи: внутренность храма обновлена, при монастырѣ имѣется школа, въ которой обучается 12 дѣвочекъ-остячекъ. Всѣхъ сестеръ въ монастырѣ—22, и всѣ, не исключая и интеллигентныхъ (4—5), постоянно занимаются по хозяйству. И. д. игуменіи сообщила намъ опасенія относительно непрочности каменной церкви, вслѣдствіе образовавшихся въ стѣнахъ трещинъ, и о намѣреніи перенести храмъ по совѣту архитектора на другое мѣсто.

Берегъ Оби въ Кондинскѣ песчаный, усѣянный множествомъ гальки, гравія и крупныхъ камней валуннаго происхожденія*); на днѣ рѣки близъ берега—острые камни, такъ что при

*) На обратномъ пути отъ села Чемашей до М. Атлыма (около 150 верстъ) мнѣ удалось подробнѣе прослѣдить правый берегъ Оби. Такъ какъ противъ теченія лодка наша подвигалась здѣсь очень медленно, часто приходилось

купаніи мы поранили себѣ ноги до крови. Вечеръ былъ довольно теплый, и мошки дали себя чувствовать, окружая каждаго изъ насъ густымъ роемъ; множество стрекозъ, усердно охотясь за ними, рѣяло вокругъ насъ въ воздухѣ. Въ Кондинскѣ мы взяли новыхъ гребцовъ и отправились въ дальнѣйшій путь въ $8^1/_2$ часовъ вечера. Ночь плыли при тихой погодѣ и довольно быстро.

Часовъ около 3-хъ утра пріѣхали въ с. Шеркалы на правомъ берегу Оби. Селеніе расположено на небольшой возвышенности и потому защищено отъ весенняго наводненія. Въ немъ двѣ деревянныхъ церкви и нѣсколько двухъэтажныхъ домиковъ, преимущественно мѣстныхъ рыбопромышленниковъ. (Извѣстные здѣсь купцы Новицкіе имѣютъ на Оби нѣсколько рыболовныхъ песковъ, гдѣ хозяйничаютъ ихъ сыновья и родственники). Въ Шеркалахъ мы въ первый разъ увидѣли типичныхъ остяковъ, низкорослыхъ, съ черными вьющимися волосами, заплетенными у нѣкоторыхъ въ одну или двѣ косы, перевитыя красными и голубыми ленточками и снурками; многіе изъ нихъ пріѣхали съ рѣки Сосвы въ своихъ каюкахъ, обшитыхъ берестой. Изъ Шеркалъ вышли около 12 часовъ дня. День былъ совершенно тихій, жаркій, небо съ легкими перистыми и мѣстами кучевыми облаками; рѣка спокойна, какъ зеркало. Часовъ около 3-хъ подулъ свѣжій сѣверный вѣтерокъ, и нашъ каюкъ пошелъ медленнѣе. Вскорѣ мы вошли въ лѣвый рукавъ Оби, подъ названіемъ Малая Обь. Этотъ огромный протокъ, длиною до 400 верстъ,

---

выходить на берегъ и тянуть бичевой, или дѣлать остановки для отдыха, то я имѣлъ возможность не только познакомиться съ геологическимъ строеніемъ праваго берега Оби на этомъ пространствѣ, но и собрать нѣсколько образцовъ горныхъ породъ. Этому способствовало еще и то обстоятельство, что вода въ Оби уже значительно спала и слѣдовательно обнажились ниже-залегающія породы.

Берегъ этотъ на всемъ указанномъ протяженіи гористый, отъ 10 до 15 саж. высоты и, какъ уже говорилось, покрытъ хвойнымъ лѣсомъ. Въ половодье онъ сильно подмывается рѣкой, вслѣдствіе чего происходятъ постоянные обвалы. Поэтому со стороны рѣки берегъ, отвѣсно спускаясь къ рѣкѣ, образуетъ на всемъ протяженіи естественныя обнаженія составляющихъ его горныхъ породъ. Обваливающіяся массы дѣйствіемъ волнъ располагаются въ видѣ отлогой покатости съ весьма малымъ уклономъ отъ берега къ рѣкѣ. Вотъ почему, несмотря на то, что берегъ обрывистый, во время половодья здѣсь встрѣчаются большія береговыя отмели, косы и песчаныя дюны, простирающіяся въ ширину до начала настоящаго русла рѣки. Эти же массы обваловъ маскируютъ и ниже-лежащіе слои образующихъ собственно долину р. Оби породъ, и только по окончаніи половодья, когда рѣка войдетъ въ свои берега, удается ихъ прослѣдить. Насколько я могъ прослѣдить (отъ села Чемашей до М. Атлыма), берегъ состоитъ

снова соединяется съ Большою Обью около юртъ Вандіанскихъ, ниже села Мужей. Часовъ около 9 вечера прибыли въ остяцкія юрты Нары-Кары, на лѣвомъ гористомъ (саженъ 5—10) берегу Малой Оби, называемомъ здѣсь Полуденной горой. Этотъ лѣвый берегъ отстоитъ отъ праваго берега Большой Оби на 30 верстъ, и вся эта ширь, вслѣдствіе весенняго разлива, представляетъ одно водное пространство съ многочисленными островами и рощами тальника. Юрты Нары-Кары состоятъ изъ 25—30 бѣдныхъ остяцкихъ избъ, разбросанныхъ на горкѣ и на ея прибрежномъ откосѣ безъ всякихъ признаковъ дворовъ. Лошадей здѣсь уже не встрѣчается; единственныя животныя, которыхъ мы здѣсь видѣли, это—остяцкія собаки. Осмотрѣли здѣсь нѣсколько юртъ, обстановка которыхъ вообще производитъ непріятное впечатлѣніе по своей грязи и неряшливости. Это деревянныя избы, иногда совершенно безъ оконъ; въ другихъ есть одно-два тусклыхъ маленькихъ окошечка. Внутри деревянный полъ; въ одномъ углу глиняная печь (чувалъ), на подобіе камина, съ трубой, проходящею чрезъ потолокъ; крыши встрѣчаются не вездѣ. Внутри, вдоль одной или двухъ стѣнъ—рядъ перегородокъ, образующихъ нѣсколько отдѣльныхъ тѣсныхъ помѣщеній, на подобіе стойлъ въ хлѣвахъ или конюшняхъ; въ этихъ стойлахъ спятъ отдѣльные члены семьи, но нерѣдко въ такомъ стойлѣ можно видѣть и собаку. Въ одной только болѣе богатой юртѣ мы видѣли два

изъ рыхлыхъ породъ, продуктовъ механической дѣятельности воды. Песокъ и глина составляютъ главный, почти исключительный матеріалъ, изъ котораго сложенъ этотъ берегъ. Нижніе горизонты занимаетъ синяя глина. Она напластована горизонтальными слоями отъ $^1/_2$ до 2 верш. мощности. Нижнюю подстилку этихъ пластовъ, къ сожалѣнію, не удалось опредѣлить, за неимѣніемъ времени и нужныхъ инструментовъ, верхній же пластъ лежитъ приблизительно на высотѣ 1—3 арш. надъ нормальнымъ (осеннимъ) уровнемъ воды въ рѣкѣ. Глина эта очень пластична и въ кускахъ легко распадается на отдѣльные слои. Мѣстами она имѣетъ желто-красный и даже красно-бурый цвѣтъ и содержитъ, какъ показалъ анализъ, до 15% окиси желѣза. Этотъ характеръ напластованія, удерживается почти на всемъ указанномъ пространствѣ, но выше-лежащія породы не представляютъ уже такой правильности. Желтоватый и мѣстами бѣлый кварцевый песокъ, суглинокъ и въ значительномъ количествѣ лессъ (съ содержаніемъ до 20% углекислой извести) образуютъ остальную массу нагорнаго праваго берега Растительный слой покрываетъ эти породы мощностью отъ $^1/_4$ до $^3/_4$ арш. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ массы суглинка и бѣлаго песка прорѣзаны желто-бурыми и красно-бурыми прослойками желѣзо-содержащаго крупнаго песка, а болѣе низкіе горизонты и одиночными пластами упомянутой раньше синей и красноватой глины; известковыхъ конкрецій въ лессѣ нигдѣ не было видно. Въ

деревянныхъ стула и столикъ; обыкновенно же сидятъ на низкихъ лавкахъ вдоль стѣнъ, или прямо на полу. Всѣ здѣшніе остяки—христіане и имѣютъ у себя иконы; идоловъ нигдѣ не было замѣтно. Остяки здѣсь вообще очень разговорчивый и веселый народъ; немногіе изъ нихъ говорятъ по-русски и то очень плохо. Остяцкія женщины малорослы, скорѣе похожи на дѣвочекъ, съ некрасивыми широко-скулыми, смуглыми лицами и черными, какъ смоль, всклоченными волосами. Костюмъ ихъ состоитъ изъ рубахи, поверхъ которой надѣто также нѣчто въ родѣ рубахи, большею частію коричневаго цвѣта, изъ болѣе плотной матеріи, съ красной и бѣлой прошвой по краямъ; почти всѣ онѣ босы, носятъ большіе платки, которыми закрываютъ свои лица отъ постороннихъ. Здѣсь мы наняли гребцовъ остяковъ до Березова. Изъ Нары-Кары выѣхали въ $10^1/_2$ часовъ вечера. При отъѣздѣ гребцы наши подняли страшный крикъ въ видѣ прощальнаго привѣтствія; съ берега имъ отвѣчали такимъ же крикомъ ихъ прекрасныя половины и дѣти. Далѣе мы поплыли вдоль лѣваго берега по узкому протоку, поросшему съ обѣихъ сторонъ густымъ тальникомъ. Эта мѣстность оказалась богатой утками, и мы, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ выстрѣловъ, убили двухъ.

Ночью и утромъ 9-го шли вдоль того же лѣваго берега. День былъ жаркій и почти безъ вѣтра. Но около часу пополудни на небѣ появилось два-три дождевыхъ облака, которыя прошли,

---

одномъ только мѣстѣ, вблизи Новыхъ юртъ, въ массѣ суглинка и песка найденъ былъ плотный глинистый песчаникъ, сѣраго цвѣта, съ значительнымъ содержаніемъ углекислой извести. Песчаникъ выступалъ большими, до $^1/_2$ дюйма толщины, плитами, ограниченными правильными параллельными плоскостями. Этими плоскостями плиты сростались между собою по 2 и по 3, но при ударѣ молоткомъ распадались по спайкѣ, не разбиваясь. Нѣсколько ниже Кондинска въ пескѣ попадаются мѣстами кварцитовые конгломераты съ желтымъ и краснобурымъ желѣзистымъ цементомъ.

Этими породами и ограничивается, такъ сказать, собственный петрографическій характеръ возвышеннаго праваго берега Оби отъ села Чемашей до М. Атлыма. Но зато, когда рѣка войдетъ въ свое ложе, на песчаной отлогости праваго берега на всемъ протяженіи попадается масса обломковъ всевозможныхъ горныхъ породъ весьма разнообразной величины, начиная съ мелкой гальки до большихъ глыбъ, имѣющихъ болѣе аршина въ поперечникѣ. Среди этихъ обломковъ попадаются граниты, сланцы, гнейсы, кварциты. Граниты различной величины зерна и различнаго петрографическаго характера (нормальный, мусковитовый и роговообманковый) являются большею частію въ видѣ средней величины гальки. Въ видѣ такой же гальки попадается и кварцъ—бѣлый, желтоватый и мясо-красный. Слюдистый и тальково-хлоритовый сланецъ попадается въ видѣ

впрочемъ, безъ капли дождя, и вслѣдъ затѣмъ подулъ свѣжій сѣверный вѣтеръ, сильно затруднившій намъ плаваніе. Вѣтеръ постепенно усиливался и дошелъ до того, что сдѣлалъ невозможнымъ дальнѣйшій путь, и мы должны были въ 3 часа бросить якорь около одной тальниковой рощи. Здѣсь простояли до 5-ти часовъ, когда вѣтеръ, повидимому, немного стихъ, и затѣмъ пошли далѣе по сорȁмъ, образуемымъ Малою Обью. Около 7 часовъ началось сильное волненіе. Широкія волны до $1\frac{1}{2}$—2 арш. высоты сильно качали нашъ каюкъ и бросали его изъ стороны въ сторону. Въ гребяхъ сѣли, кромѣ гребцовъ, еще и наши рабочіе, и, несмотря на это, каюкъ нашъ очень медленно и съ большимъ трудомъ подвигался впередъ при противномъ и часто боковомъ вѣтрѣ; по временамъ только, проходя вблизи тальниковыхъ рощъ, онъ избавлялся отъ качки, но на открытыхъ мѣстахъ качка опять возобновлялась. Вѣтеръ совершенно стихъ только около двухъ часовъ ночи, отъ 12-ти же до часу ночи вѣтеръ и качка были особенно сильны, такъ что вода заплескивалась даже въ каюкъ.

Около 3 часовъ утра 10 іюля мы подходили къ Березову по рѣчкѣ Казянкѣ (притоку Сосвы), въ которую перешли по сорȁмъ ночью. Городъ стоитъ на невысокой (въ 5—7 саженъ высоты) горѣ, при впаденіи Казянки въ Сосву, на лѣвомъ берегу

неправильной формы болѣе или менѣе плоскихъ кусковъ, слюдяные гнейсы шестоватой и сланцеватой структуры—въ видѣ продолговатыхъ значительной величины кусковъ.

Уже этотъ крайне разнообразный характеръ заставляетъ предположить, что родина этихъ обломковъ находится не здѣсь, а отсутствіе всякой сортировки въ ихъ расположеніи заставляетъ видѣть въ нихъ эрратическіе валуны и щебень. И дѣйствительно, на всемъ изслѣдованномъ пространствѣ, мнѣ нигдѣ не случилось замѣтить ни малѣйшаго намека на выходъ коренныхъ горныхъ породъ, обломками которыхъ можно бы считать многочисленные валуны. Такіе же валуны встрѣчаются въ поперечныхъ долинахъ и оврагахъ, прорѣзывающихъ возвышенность праваго берега, по берегамъ рѣчекъ и ручьевъ, впадающихъ въ Обь, а также въ самомъ суглинкѣ и пескѣ нагорной части берега; отсюда то они и вымываются рѣчной водой.

Такимъ образомъ, если породы эти считать за наносы ледниковаго періода, то поддонной мореной нужно признать упомянутую раньше синюю и красноватую глину, а выше-лежащіе пласты нужно считать позднѣйшими образованіями. Многія изъ породъ, образующихъ эти валуны, я находилъ при дальнѣйшемъ пути на Сѣверный Уралъ—однѣ въ видѣ коренныхъ породъ, другія—какъ обломочныя. Это обстоятельство, я думаю, говоритъ въ пользу того мнѣнія, оспариваемаго, впрочемъ, нѣкоторыми, что Сѣверный Уралъ въ

послѣдней. Издали ясно видны были: соборъ, полицейское управленіе съ каланчей, церковь (Богородицкая) и нѣсколько деревянныхъ домиковъ. Положеніе Березова очень живописно, но самый городокъ производитъ съ перваго взгляда впечатлѣніе мизернаго. Здѣсь мы посѣтили нѣкоторыхъ знакомыхъ намъ обывателей, коими и были приняты съ большимъ радушіемъ. Осмотрѣли Соборную и Богородицкую церкви, гдѣ намъ были показаны древнія иконы, принесенныя въ Сибирь сподвижниками Ермака, а также церковное облаченіе и нѣкоторыя богослужебныя книги, пожертвованныя знаменитыми изгнанниками—Меньшиковыми и Долгорукими. Видѣли также могилу Меньшикова (собственно—его дочери) и Остермана. Та и другая украшены простыми деревянными крестами, съ княжеской и баронской короной.

Березовъ мнѣ даже понравился, какъ по мѣстоположенію, такъ и по уютности и миніатюрности; впрочемъ это, можетъ быть, того, что я видѣлъ его только одинъ день, да и этотъ день былъ прекрасный лѣтній, жаркій день. Сами же березовцы не довольны своимъ городомъ и особенно зимней стужей и скукой. Большое неудобство составляетъ также и здѣшняя дороговизна на хлѣбъ и мясо, которое зимой доходитъ до 3-хъ, а лѣтомъ до 6 р. за пудъ.

ледниковый періодъ представлялъ самостоятельный центръ распространенія ледниковыхъ массъ, по крайней мѣрѣ для Сѣверо-Западной Сибири.

Такимъ образомъ, валунный наносъ ледниковаго періода въ долинѣ р. Оби является болѣе или менѣе прикрытымъ выше-лежащими массами песка и лессовидныхъ глинъ и обнаруживается только при размывѣ этихъ, можетъ быть, и болѣе позднѣйшихъ отложеній водами Оби и ея притоковъ. Принадлежность же этихъ наносовъ къ ледниковому періоду доказываетъ довольно частое нахожденіе здѣсь мѣстными жителями костей мамонта, этого современника ледниковой эпохи. Впрочемъ такая маскировка представляетъ довольно обычное явленіе, нерѣдко встрѣчаемое и въ Европейской Россіи. Таковы, напримѣръ, ледниковые наносы долины р. Днѣпра, образующіе вблизи Кіева естественныя обнаженія отъ подмыванія ихъ водою рѣки.

Если принять во вниманіе то обстоятельство, что, слѣдуя общему закону Бэра, русло р. Оби постепенно отступаетъ къ востоку чрезъ подмываніе праваго берега, а это—несомнѣнно, то слѣдуетъ ожидать, что и на лѣвомъ берегу мы должны встрѣтить ледниковый валунный наносъ, нѣкогда вымытый рѣкою изъ-подъ песчаныхъ и лессо-глинистыхъ массъ праваго берега. Однако такой наносъ, какъ легко понять, долженъ быть погребенъ подъ значительными массами постепенно отлагавшагося на лѣвомъ берегу, по мѣрѣ отступанія рѣки къ востоку, рѣчного ила,—массами, достигающими мощности равной, по крайней мѣрѣ, наибольшей глубинѣ рѣки въ данномъ мѣстѣ.

Утромъ 11 іюля мы покинули Березовъ, напутствуемые благими пожеланіями знакомыхъ. Прощаясь съ Березовомъ, мы уже вовсе удалялись отъ цивилизованнаго міра и вмѣстѣ съ тѣмъ лишались даже возможности обмѣниваться мыслями съ кѣмъ-либо письменно, ибо за Березовомъ уже не существуетъ правильной почтовой корреспонденціи. Гребцами нашими изъ Березова были типичные сосвинскіе остяки, въ красныхъ рубахахъ, съ накинутыми поверхъ красными ситцевыми платками, или шерстяными шалями, въ высокихъ сапогахъ изъ оленьей кожи и съ заплетенными въ двѣ косы длинными волосами. Растительность на бородѣ и верхней губѣ очень скудная и то только у настоящихъ брюнетовъ, у остяковъ же съ болѣе свѣтлыми волосами совсѣмъ нѣтъ ни бороды, ни усовъ. Изъ Березова ѣхалъ съ нами стражникъ Роевъ, ради удобства и быстроты передвиженія. Съ утра шли нѣкоторое время подъ парусомъ, но часовъ съ 11-ти стало совершенно тихо, и жаръ достигалъ 22° R. въ тѣни. Часа въ 2 пришли въ Тенгинскія юрты, состоящія изъ 4 чумовъ и расположенныя на низкомъ мѣстѣ (Малая Обь), кругомъ залитомъ водою и заросшемъ тальникомъ. Это были первые видѣнные нами чумы. Строятся они или въ видѣ конуса, или напоминаютъ солдатскую лагерную палатку, и состоятъ изъ вбитыхъ въ землю кольевъ, обтянутыхъ берестой. Около чумовъ было нѣсколько коровъ и остяцкихъ собакъ, а также развѣшена рыба и разложены оленьи шкуры; стояло нѣсколько остяковъ и остячекъ; внутри чумовъ остячки занимались сушеніемъ рыбы на огнѣ, разложенномъ прямо на земляномъ полу чума. Дымъ выходилъ въ круглое отверстіе вверху. Здѣсь же у берега стояли два большихъ зырянскихъ каюка, и зырянки на берегу варили пищу. Въ этихъ каюкахъ, какъ я узналъ, зыряне кочуютъ все лѣто по Нижней Оби, занимаясь рыболовствомъ. Зыряне, видѣнные мною здѣсь, средняго роста, одѣты какъ русскіе крестьяне, и съ довольно правильными чертами лица. Въ этихъ юртахъ мы перемѣнили гребцовъ и часовъ около 3-хъ отправились дальше по неширокому протоку, окаймленному тальниковыми рощами. Вскорѣ затѣмъ вышли на Большую Обь и все остальное время плыли по ней. Вечеромъ пришли въ юрты Серепугоръ, расположенныя на высокомъ песчаномъ берегу (дюнѣ) на правой сторонѣ рѣки. Вечеръ былъ необыкновенно теплый, но солнце сѣло въ тучи, и можно было ожидать дождя. (Дѣйствительно, утромъ часа въ 4 былъ довольно сильный дождикъ, первый за все время нашего плаванія на каюкѣ, но вскорѣ опять стало тепло и даже жарко).

Ночью прошли Андруханскія юрты, а часовъ въ 11 утра 12 іюля пріѣхали въ Куноватскія. Юрты состоятъ изъ нѣсколь-

кихъ чумовъ, расположенныхъ на низкой болотистой почвѣ; кругомъ еловый и кедровый лѣсокъ. Въ 3 часа пріѣхали въ Кушеватъ, село, расположенное на возвышенномъ берегу Кушеватскаго протока. Въ селѣ новая деревянная церковь, нѣсколько двухъэтажныхъ и одноэтажныхъ домиковъ и волость; населеніе большею частію русское: остяцкіе чумы расположены лишь на краю села. Небо между тѣмъ заволакивало тучами, и часовъ около пяти послышались близкіе раскаты грома. Появилось громадное количество мошекъ, которыя наполняли нашу каюту и не давали возможности ничѣмъ заняться. Въ этотъ день по временамъ мы пользовались парусомъ, но вообще непостоянство вѣтра и перемѣны въ направленіи лодки заставляли не покидать веселъ. Часовъ около 8 вечера пріѣхали въ Лангивошскія юрты, расположенныя въ небольшемъ ущельи праваго высокаго берега Оби. Небо между тѣмъ заволокло тучами, и съ юга надвигалась черная грозная туча, ежеминутно освѣщаемая яркой молніей; отъ нея доносились уже явственные раскаты грома. Лишь только мы взяли новыхъ гребцовъ и не успѣли еще отойти отъ берега нѣсколькихъ саженъ, какъ гребцы объявили, что будетъ *погода* (вѣтеръ) и что надо обождать, пока пройдетъ туча. Каюкъ нашъ тотчасъ же стали приворачивать къ стоявшему у берега вѣтвистому талу, и не успѣли еще мы подойти къ дереву, какъ поднялся сильный вѣтеръ, вскорѣ перешедшій въ настоящую бурю. Мы всѣ ухватились руками за вѣтви тала и съ большимъ трудомъ удерживали каюкъ, пока съ него не бросили якорь. Между тѣмъ вѣтеръ все больше и больше усиливался; по необъятному пространству Оби заходили громадныя волны (болѣе 3 аршинъ); мѣстами порывъ вѣтра вздымалъ воду и крутилъ ее на подобіе морского смерча. Черная туча растянулась по всему небу, и изъ нея полился сильный дождь, сопровождаемый частыми вспышками молніи и раскатами грома, впрочемъ, не очень сильными. Мы всѣ принуждены были уйти въ каюту, и снаружи остались одни только гребцы-остяки; они все еще хлопотали надъ безопасной установкой каюка. Но и въ каютѣ мы тоже не были защищены отъ дождя: потолокъ каюка во многихъ мѣстахъ далъ течь, и на насъ потекли струйки воды, а съ одной изъ стѣнъ, вслѣдствіе налетавшихъ волнъ, полились настоящіе каскады. Мы прикрыли нѣкоторыя вещи и инструменты своими азямами, а сами остались подъ дѣйствіемъ этихъ неожиданныхъ душей. Каюкъ нашъ, между тѣмъ, бросало изъ стороны въ сторону, и при каждомъ налетавшемъ шквалѣ онъ сильно трещалъ; ежеминутно можно было ожидать, что его оторветъ и унесетъ въ разъяренныя волны. Около девяти часовъ вѣтеръ началъ сти-

хать, и дождь уменьшился. Небо оказалось затянутымъ сплошными тучами, изъ которыхъ, какъ сквозь сито, моросилъ мелкій и частый дождикъ. Когда вѣтеръ совершенно стихъ, и мы собирались отчалить, оказалось, что каюкъ нашъ стоитъ на мели: во время шквала волнами бросило его на отмель у берега, и онъ стоялъ на землѣ такъ прочно, что соединенными усиліями всѣхъ собравшихся остяковъ (до 15) не удалось его снять съ мели. Выбившись изъ силъ, совершенно промокнувши и продрогнувши въ водѣ, остяки оставили наконецъ каюкъ и ушли въ юрты, объявивъ, что сняться съ мели можно будетъ не раньше, какъ перестанетъ итти дождь. Послѣ полуночи дождь пересталъ, небо прояснилось и дружными усиліями остяковъ, которымъ было обѣщано за это по чашкѣ водки, каюкъ былъ снятъ съ мели; но такъ какъ вѣтеръ вновь началъ усиливаться, то гребцы объявили, что плыть нельзя, и отвели нашъ каюкъ въ болѣе удобное для стоянки мѣсто, саженяхъ въ 30-ти выше юртъ. Берегъ, у котораго стоялъ нашъ каюкъ, былъ гористый, поросшій небольшимъ лѣскомъ. Послѣдній состоялъ изъ низкорослыхъ березокъ, кедровъ и лиственницъ (L. sibirica Led.); изъ травянистыхъ растеній здѣсь особенно много попадалось хвощей (Equisetum sp?). Съ нагорнаго берега видна была Обь, а за нею вдали, верстахъ въ 50-ти, синѣла на западѣ гряда высокихъ горъ, отроги Урала, по всей вѣроятности, такъ называемый, Мужинскій материкъ. День былъ жаркій, но вѣтеръ не стихалъ все время. Наконецъ часовъ около 9 вечера, несмотря на вѣтеръ, рѣшили отправиться дальше. Черезъ Обь (Большую) перевалили при свѣжемъ вѣтрѣ и значительномъ волненіи; качка была боковая и потому довольно сильная. Обь въ этомъ мѣстѣ имѣетъ 3—4 версты въ ширину. Ночью шли соромъ и протоками.

Вѣтеръ къ утру ослабѣлъ, и часовъ въ 7 утра 14-го іюля мы прибыли въ юрты Пугорскія, расположенныя на правомъ низменномъ берегу Оби. Отсюда вышли въ 8 часовъ и плыли дальше по направленію къ Мужамъ (до которыхъ оставалось еще верстъ 30) при тихой, но прохладной съ утра, погодѣ; небо было покрыто сплошь облаками, мѣстами просвѣчивавшими, особенно около полудня, когда даже стало показываться солнце. Около часу дня небо очистилось, облака были видны лишь по краямъ горизонта, и солнце стало порядочно припекать. Въ это время мы прошли Нарымскія юрты, а часа два спустя—юрты Азбукальскія. И тѣ и другія расположены, хотя и на низменномъ берегу, но на не затопленныхъ мѣстахъ. Вездѣ при нашемъ пріѣздѣ насъ встрѣчали толпы остяковъ, которые тотчасъ же вступали въ оживленный разговоръ съ нашими гребцами. Жен-

щины обыкновенно стояли въ сторонѣ, большею частію закрывшись платками, и только немногія—съ открытыми лицами. Женщины точно также, какъ и мужчины, заплетаютъ волосы въ двѣ косы; у дѣвушекъ эти косы обыкновенно длиннѣе, часто до колѣнъ, и обыкновенно больше украшены снурками и мѣдными и желѣзными кольцами.

Всѣ остяки, какъ попадавшіеся намъ доселѣ на пути, такъ и бывшіе у насъ гребцами—народъ очень живой, расторопный (проворный), между собою они постоянно болтаютъ, смѣются, почти всѣ они полные брюнеты, съ растрепанными курчавыми или расчесанными въ прямой рядъ длинными черными волосами (женщины, впрочемъ, нерѣдко встрѣчаются безъ косъ). Носятъ они большею частію красныя рубахи, а на ногахъ—*кисы;* въ непогоду же вмѣсто рубахи надѣваютъ на себя куртки, или полурубахи изъ верблюжьяго сукна съ капюшономъ. На нѣкоторыхъ мы встрѣчали довольно оригинальные костюмы, въ родѣ опереточныхъ, напримѣръ: гладкія красныя рубахи, съ узкими рукавами и широкой желтой каймой на подолѣ, узкіе панталоны и кисы, а поверхъ рубахъ небрежно накинутые на плечи пестрые платки.

Между 5 и 6 часами вечера перевалили черезъ Малую Обь и подошли при тихой погодѣ къ с. Мужамъ. Селеніе расположено у подножія горы, которую я раньше назвалъ отрогомъ Урала и которая видна была еще изъ Лангивошскихъ юртъ. Издали село представляло группу изъ 50—60 сѣренькихъ домиковъ съ деревянною церковью въ серединѣ. Здѣсь мы остановились у нѣкоего Громкова, приказчика тобольской купеческой вдовы Корниловой, имѣющей въ Мужахъ торговлю. Послѣ продолжительнаго воднаго путешествія намъ пріятно было провести ночь на сушѣ и въ жиломъ помѣщеніи, тѣмъ болѣе, что къ ночи поднялся сильный холодный вѣтеръ съ дождемъ, и потому послѣ ужина, состоявшаго изъ ухи и молока, мы поспѣшили улечься спать. Съ вечера впрочемъ еще много говорили о предстоящемъ пути. Нужно было рѣшить здѣсь нѣсколько важныхъ вопросовъ, какъ напримѣръ, можно ли въ нашемъ каюкѣ подняться по Войкару (небольшихъ каюковъ здѣсь нельзя было достать), сколько взять съ собою клади, преимущественно горныхъ инструментовъ, гдѣ нанять оленей, рабочихъ, и сколько тѣхъ и другихъ, сколько плыть по Войкару, сколько итти дальше пѣшкомъ, какъ разсчитать запасъ провизіи и проч. Всѣ эти вопросы здѣсь стали на очередь и были для насъ весьма существенны. Рожакъ-зырянинъ, приходившій наниматься и ходившій раньше съ Кольштедтомъ, не далъ никакихъ положительныхъ указаній.

Утромъ 15 іюля, когда мы проснулись, вѣтра и дождя уже не было, и сквозь тяжелыя облака повременамъ проглядывало солнце. Часовъ съ 3-хъ небо покрылось сплошными облаками, и снова пошелъ мелкій частый дождь. Въ этотъ день мы угостились рыбнымъ обѣдомъ съ десертомъ, состоявшимъ изъ молока и морошки (R. chamaemorus. L.). Вообще на нижней Оби не привыкли къ мясному столу: въ Березовѣ говядина дорога, въ Мужахъ же ея совсѣмъ почти нѣтъ. Оленье мясо, употребляемое зырянами, приторно и невкусно. Вечеромъ пришли оленеводы-остяки, не знавшіе ни слова по-русски. Разговоръ съ ними происходилъ чрезъ переводчика. Они не соглашались дать оленей на-прокатъ, а хотѣли продать и запросили по 20 рублей за штуку, т. е. 400 руб., тогда какъ нормальная цѣна оленю здѣсь 8—10 руб.; приэтомъ они не давали ни нартъ, ни упряжи и даже отказывались прогнать оленей до мѣста (до Шишкинскихъ амбаровъ на р. Нелькѣ). Положеніе становилось затруднительнымъ, и, подумавъ немного, мы рѣшили попробовать перейти Уралъ съ лошадьми, которыхъ можно было найти здѣсь около шести*). Проводники наши, зыряне (ихъ было 2), вообще показались мнѣ людьми крайне флегматичными; отъ нихъ трудно было добиться слова; на большую часть вопросовъ они отвѣчали: „не знаю", даже въ такихъ случаяхъ, когда этотъ отвѣтъ могъ рекомендовать ихъ, какъ плохихъ знатоковъ своего дѣла. Въ этотъ день мы были у нѣкоего Филинова, зажиточнаго зырянина, открывшаго рудникъ на Харутѣ. Онъ былъ тяжело боленъ и очень жалѣлъ, что не могъ ѣхать съ нами, такъ какъ и самъ былъ заинтересованъ въ этомъ дѣлѣ. Онъ сообщилъ намъ нѣкоторыя свѣдѣнія относительно дальнѣйшаго пути. По его словамъ, отъ Мужей до Войкара было верстъ 25, а отъ Нижне-Войкарскихъ юртъ до Верхнихъ—15, далѣе до юртъ Азягхоу—40 вер., отъ нихъ до Шишкинскихъ амбаровъ—25 вер., и еще можно было

---

*) Это рѣшеніе было принято по предложенію одного изъ участниковъ экспедиціи, А. К. Бояпуса, который въ 1889 г. состоялъ переводчикомъ при французскомъ путешественникѣ Рабо, перешедшемъ Уралъ на лошадяхъ, значительно впрочемъ южнѣе нашего пути. Прочіе участники экспедиціи, какъ незнакомые съ мѣстностью, повѣрили возможности такого перехода, но проводники и рабочіе-зыряне скептически относились къ нашему намѣренію: они говорили, что отъ сотворенія міра никто еще не видалъ лошади на Сѣверномъ Уралѣ, что лошадь не можетъ пройти по моховымъ болотамъ долинъ Сѣвернаго Урала, да и наконецъ ее нечѣмъ будетъ тамъ кормить. Какъ оказалось впослѣдствіи, зыряне были правы, по крайней мѣрѣ, относительно передвиженія въ этой мѣстности на лошадяхъ, и попытка наша обойтись безъ оленей погубила экспедицію.

подняться выше по р. Нелькѣ верстъ на 15,—итого предстояло еще 120 верстъ плаванія по Оби, Войкару и Нелькѣ.

Весь этотъ день въ передней и на дворѣ квартиры Грошкова толпились остяки и зыряне, желавшіе наняться къ намъ въ рабочіе, и всѣ они заламывали высокія цѣны; видно, что народъ—себѣ на умѣ, несмотря на свое полу-дикое состояніе, и умѣютъ пользоваться случаемъ.

Изъ Мужей невдалекѣ видны горы, которыя мы видѣли раньше изъ Лангивошскихъ юртъ; здѣсь онѣ мнѣ показались не особенно высокими и въ разстояніи не болѣе трехъ верстъ; но когда я спросилъ объ этомъ мѣстныхъ жителей, мнѣ сказали, что до этихъ горъ верстъ болѣе 8-ми, и кромѣ того мнѣ сообщили, что онѣ представляютъ отроги Урала и состоятъ изъ массивныхъ горныхъ породъ. Къ сожалѣнію, ненастная погода не дала мнѣ возможности лично убѣдиться въ этомъ. Съ этихъ же горъ, какъ мнѣ говорили, въ ясный день виденъ и настоящій Уралъ. Весь слѣдующій день продолжались приготовленія въ дальнѣйшій путь. Погода была ненастная, и даже шелъ сильный дождь. Подъ вліяніемъ погоды и на душѣ было не совсѣмъ свѣтло, тѣмъ болѣе, что дальнѣйшій путь представлялся какимъ-то неопредѣленнымъ. Впрочемъ, всѣмъ намъ надоѣло сидѣть въ Мужахъ и хотѣлось скорѣе ѣхать дальше.

17 іюля почти весь день былъ пасмурный. Съ утра опять безконечныя хлопоты объ отправкѣ. Рѣшено было, что лошадей проведутъ сухимъ путемъ до Шишкинскихъ амбаровъ, съ ними отправятся А., два проводника и двое рабочихъ; всѣ ѣдутъ на пяти нартахъ, а на шестой помѣщается провизія. А. сначала немного призадумался, но потомъ освоился съ мыслью о предстоящемъ путешествіи по неизвѣстнымъ мѣстамъ и сдѣлался веселъ, какъ и всегда; на всякій случай онъ бралъ съ собою два ружья и достаточное количество патроновъ. Предполагалось, что онъ проѣдетъ при благопріятныхъ условіяхъ три дня. Съ утра до обѣденнаго времени у насъ былъ здѣшній священникъ о. Всеволодъ; онъ интересовался нашей поѣздкой и, уходя, пожелалъ намъ всякаго успѣха. Перебирая нашу провизію, мы съ прискорбіемъ замѣтили, что большая часть нашихъ сушекъ заплѣснѣвѣли; ихъ развѣсили для просушки, но надежды на ихъ пригодность было мало. Здѣсь, для увеличенія запасовъ продовольствія, взято было немного крупы и пять пудовъ соленаго мяса. Во время пребыванія нашего въ Мужахъ, половодье на Оби было въ полной силѣ, и вода продолжала прибывать, тогда какъ при выѣздѣ нашемъ изъ Тобольска тамъ уже убыло воды около аршина.

II. Плаванiе по рр. Войкару и Нелькѣ.

Около полудня, 17 iюля, всѣ сборы въ дальнѣйшiй путь были окончены, и часовъ около 5-ти мы вышли наконецъ изъ Мужей. Наши рабочiе—они же и гребцы—зыряне порядочно подвыпили на проводинахъ, и не обошлось, конечно, безъ комическихъ сценъ. Такъ одинъ изъ проводниковъ, рыжiй зырянинъ Егоръ, очень похожiй на еврея, не будучи въ состоянiи твердо держаться на ногахъ, сидѣлъ на сходняхъ и сладко улыбался всѣмъ проходившимъ мимо; когда же подошли къ нему прощаться жена и дочь, онъ всталъ на ноги и, прослезившись, началъ ихъ обнимать и цѣловать, но, при прощанiи съ дочерью, потерялъ равновѣсiе и упалъ, увлекая и ее въ своихъ объятiяхъ. На берегу стояла густая толпа бабъ и ребятишекъ, пришедшихъ проводить своихъ мужей и отцовъ; среди нихъ стоялъ также и А., который оставался въ Мужахъ и на слѣдующiй день долженъ былъ отправиться съ 6-ью лошадьми сухимъ путемъ къ Шишкинскимъ амбарамъ. Лишь только мы отвалили отъ берега, какъ вѣтеръ, дувшiй съ утра съ запада и перешедшiй теперь въ сѣверо-западный, нѣсколько усилился, и нашъ каюкъ начало относить на средину рѣки. Съ большимъ трудомъ удалось направить его вдоль лѣваго берега. Но, пройдя около версты, гребцы объявили, что надо обождать, пока стихнетъ вѣтеръ, такъ какъ дальше будетъ соръ, а на немъ сильное волненiе. Каюкъ приворотили къ берегу, гдѣ рабочiе развели огонь и стали варить себѣ кашу. При этомъ они не пропустили случая хлебнуть и сдѣлались еще веселѣе, такъ что вскорѣ послышалась даже пѣсня—соло, впрочемъ. На берегу еще разъ показался А. и зашелъ въ каюкъ, чтобы сказать намъ послѣднее „прости“. Часовъ въ 9 вечера вѣтеръ и волненiе на рѣкѣ нѣсколько уменьшились, и мы отплыли дальше. Вечеръ былъ довольно свѣжiй, особенно благодаря сѣверному вѣтру, и термометръ показывалъ лишь 8° R. До 12 часовъ ночи шли по сорамъ М. Оби, но когда попробовали выйти на рѣку, тамъ оказалось столь сильное волненiе, что гребцы никакъ не могли справиться съ каюкомъ: его сильно качало и прибивало вѣтромъ къ кустамъ тальника. Къ тому же рабочiе были ослаблены наступившимъ послѣ проводинъ похмельемъ и, несмотря на приказанiя К., который былъ съ вечера вахтеннымъ, настаивали все-таки на необходимости отдохнуть. Поэтому въ 12 часовъ пристали къ кустамъ тальника и простояли до 4 часовъ утра.

Утромъ 18 iюля шли при очень свѣжемъ боковомъ вѣтрѣ,

отчего каюкъ подвергался сильной качкѣ. Часовъ около 9-ти мы вошли въ Войкарскій соръ, имѣвшій въ ширину 5—6 верстъ. Вѣтеръ оказался попутнымъ и нѣсколько боковымъ, такъ что можно было итти подъ парусомъ, тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе боковыхъ волнъ, качка была довольно сильная. Собственно устье Войкара относительно Оби осталось у насъ съ правой стороны. Отсюда видны были горы Урала въ разстояніи около 50 верстъ; одна изъ вершинъ слѣва была видна явственнѣе, и на ней замѣтны были даже простымъ глазомъ два большихъ снѣговыхъ пятна: это—снѣгъ, лежащій въ логахъ (оврагахъ) и, какъ сказалъ мнѣ одинъ изъ гребцовъ, никогда не успѣвающій растаять въ теченіе лѣта. Другая вершина, подъ угломъ зрѣнія 12—15^0 отъ первой, была видна справа и менѣе явственно, вѣроятно, вслѣдствіе болѣе далекаго разстоянія. Часовъ около 11-ти съ лѣвой стороны можно было различить устье Войкара по отношенію къ сору. Въ это устье мы вошли часовъ въ 12 при почти попутномъ вѣтрѣ. Волненіе здѣсь стало значительно слабѣе, и, такъ какъ каюкъ шелъ въ разрѣзъ волнъ, то качки совсѣмъ не было замѣтно. Въ устьѣ Войкаръ имѣлъ около 2 верстъ ширины. Берега—правый немного выше лѣваго—поросли жиденькими лиственицами. Въ верхней части устья—маленькій островокъ, слѣва отъ него—Налимій соръ версты на 2—3. На правомъ берегу устья—Войкарскія юрты, изъ нѣсколькихъ чумовъ; здѣсь остяки живутъ только осенью, теперь же отъ чумовъ оставались лишь воткнутые въ землю колья. Черезъ часъ прошли мимо зимнихъ Войкарскихъ юртъ на лѣвомъ берегу, состоящихъ изъ 10—15 юртъ. Около 2 часовъ вѣтеръ подулъ съ сѣвера, парусъ былъ снятъ, и мы пошли на веслахъ; шли большею частію по разливу Войкара, пробирались между кустами тальника, вдоль лѣваго берега. Здѣсь въ разливѣ рѣка имѣетъ отъ $^1/_2$ до 2 верстъ ширины, осенью же она, какъ говорили гребцы, не больше ста саженъ. Берега нѣсколько возвышенны и круты. По теченію рѣки попадались намъ небольшіе острова, поросшіе лиственицей. Острова эти попадаются на всемъ нижнемъ теченіи Войкара, иногда въ два и три ряда, особенно тамъ, гдѣ рѣка имѣетъ значительную ширину. Всѣ они не велики, не болѣе нѣсколькихъ десятковъ саженъ, но съ крутыми берегами, густо покрыты зеленью и потому красивы. Большинство изъ нихъ, по всей вѣроятности, когда рѣка войдетъ въ свое русло, являются крутыми береговыми возвышеніями и живописными скалами, и лишь немногіе тогда остаются на самой рѣкѣ. На эту мысль наводитъ то обстоятельство, что острова эти въ общемъ, хотя и не особенно правильно, расположены вдоль по обѣимъ сторонамъ отъ русла рѣки; глу-

бина рѣки между островами вообще не велика, и нерѣдко попадаются даже песчаныя и каменистыя мели. Растительный слой на нихъ вообще незначительной толщины, а подпочва вездѣ камениста—изъ круглыхъ окатанныхъ обломковъ, а мѣстами и большихъ каменныхъ глыбъ. Въ виду этого происхожденіе такихъ островов на нижнемъ теченіи р. Войкара можно, мнѣ кажется, объяснить образованіемъ каменныхъ наносовъ во время весенняго разлива рѣки и таянія снѣговъ на Уралѣ. Количество снѣга, выпадающаго зимою на Сѣв. Уралѣ, вообще громадно, какъ говорили мнѣ о томъ наши проводники-зыряне, и какъ можно еще заключить по тѣмъ огромнымъ скопленіямъ его, достигающимъ нѣсколькихъ саженъ толщины, какія приходилось намъ встрѣчать въ концѣ лѣта на самомъ Уралѣ въ оврагахъ и ущельяхъ. Неудивительно поэтому, что весною, при быстромъ таяніи этого снѣга, огромные и стремительные потоки снѣговой воды, съ силою устремляясь съ вершинъ Урала, увлекаютъ массу обломковъ коренныхъ горныхъ породъ и несутъ ихъ до нижняго теченія рѣки Войкара, гдѣ они отлагаются въ видѣ каменныхъ наносовъ, на которыхъ впослѣдствіи появляется растительный слой, и сѣрые каменные наносы превращаются въ живописно-зеленѣющіе острова.

Но съ другой стороны можно допустить, что острова эти имѣютъ и болѣе древнее происхожденіе, а именно, что они появились въ ледниковый періодъ. Періодъ этотъ оставилъ во всей долинѣ Войкара весьма явственные слѣды въ видѣ большихъ валуновъ, одиночно или огромными массами лежащихъ по обоимъ берегамъ рѣки.

Эти же валуны могли образовать и часто попадающіеся по срединѣ рѣки или ближе къ одному изъ береговъ ея, большіе каменные наносы. Продолжаясь подъ водой поперекъ рѣки, эти каменные косы и острова образуютъ пороги и перекаты, столь сильно затруднявшіе наше плаваніе по Войкару. Большая часть этихъ каменныхъ глыбъ и обломковъ является въ видѣ округленныхъ и сильно разрушенныхъ на поверхности кусковъ разныхъ горныхъ породъ: видимо – очень долгое время подвергались они разрушающему дѣйствію воды и атмосферы.

Если допустить, что въ ледниковый періодъ Сѣв. Уралъ служилъ самостоятельнымъ центромъ распространенія ледяныхъ массъ, по крайней мѣрѣ для сѣверо-запада Сибири, то весьма вѣроятно, что долина р. Войкара для Сѣв. Урала была однимъ изъ главныхъ путей, по которому сползали съ вершинъ его эти ледяныя массы. Само собою понятно, что долина Войкара въ собственномъ смыслѣ, съ ея нынѣшними берегами, тогда еще не

существовала, и эти послѣднiе представляютъ не что иное, какъ промытые впослѣдствiи глинистые наносы. Составъ этихъ береговъ, изъ красной и синей глины, дѣлаетъ ихъ весьма похожими на остатки поддонной морены ледника. Большинство валуновъ и каменныхъ глыбъ, видѣнныхъ мною въ долинѣ Войкара, по петрографическому характеру тождественны съ горными породами, выходы которыхъ я видѣлъ потомъ на Сѣв. Уралѣ, представляющемъ, какъ видно, настоящую родину этихъ эрратическихъ валуновъ.

Часовъ около шести мы достигли мѣста, гдѣ ширина рѣки еще уменьшилась до 100—250 саж. Издали, по направленiю рѣки, снова показались синiя горы Урала. Теченiе рѣки, чѣмъ дальше, тѣмъ становилось быстрѣе, а каюкъ нашъ шелъ все медленнѣе и медленнѣе. Около 8 часовъ онъ уже почти не двигался, несмотря на всѣ усилiя гребцовъ. Скорость теченiя достигла 6—8 вер. въ часъ. Рѣшено было остановиться на отдыхъ, а утромъ отправиться дальше бечевой. Остановились на правомъ возвышенномъ (саж. 5—6) берегу, который до этого мѣста былъ вездѣ покрытъ мхомъ и лиственицей, съ небольшимъ количествомъ березы, и состоялъ изъ красной глины, съ большою примѣсью крупныхъ гранитныхъ валуновъ и мелкой гальки. Валуны и галька во множествѣ видны также и на поверхности береговъ рѣки, но на лѣвомъ меньше; дно рѣки всюду каменистое, какъ можно ощупать багромъ, а на не глубокихъ мѣстахъ—даже и видѣть. Лѣвый берегъ большею частiю низменный; здѣсь меньше мха, и поросъ онъ травой, лиственицей и березой въ значительномъ количествѣ. На берегу, гдѣ мы остановились на ночлегъ, тотчасъ запылали костры; сварили чай и кашу, а К. изжарилъ убитыхъ имъ утромъ трехъ утокъ, которыя показались намъ особенно вкусными и съѣдены были нами, вмѣстѣ съ гречневой кашей, съ большимъ аппетитомъ. Среди покрывавшаго берегъ красивыхъ и яркихъ цвѣтовъ мха больше всего было бѣлаго и желтовато-зеленоватаго ягеля. Здѣсь я нашелъ нѣсколько видовъ грибовъ изъ рода Agaricus. Послѣ ужина мы съ К. отправились въ остяцкой лодкѣ ловить рыбу на блесну. Съ большимъ трудомъ поднялись вверхъ по рѣкѣ саженъ на 150 и бросили блесну. Въ нѣсколько минутъ насъ снесло теченiемъ ниже мѣста стоянки, и на блесну ничего все-таки не попало, вѣроятно, вслѣдствiе поздняго времени, такъ какъ было уже около полуночи. Мѣсто нашей остановки и видъ съ него на Войкаръ, съ его извилистыми берегами, были очень живописны, къ тому же и вечеръ былъ довольно теплый (около 12° R.)—все это приводило меня въ прiятное настроенiе духа, и мнѣ вовсе не хотѣлось спать,

несмотря не позднее время, тѣмъ болѣе, что ночь была необыкновенно свѣтла, какъ и всѣ ночи, проведенныя нами раньше на нижней Оби, начиная отъ Березова. Побродивши еще нѣсколько времени по берегу, я отправился наконецъ спать въ каюкъ; была моя вахта, но по случаю стоянки дежурить не пришлось,—мнѣ нужно было только разбудить въ 3 часа С. на дежурство. Въ каюкѣ насъ спало трое, такъ какъ Б. растянулъ свой розовый пологъ на берегу, на горкѣ, и улегся подъ нимъ на мхѣ. Тутъ же на мхѣ безпорядочно расположились и спали наши гребцы. Я проснулся часовъ около 2-хъ и теплѣе одѣлся: надъ рѣкой стоялъ туманъ, было сыро и холодно (2^0 R.),—свѣтало. Разбудивъ въ 3 часа С., я снова легъ и уже сквозь сонъ слышалъ, какъ въ четвертомъ часу утра пришелъ на каюкъ Б., пробужденнный холодомъ, какъ проснулись рабочіе и стали готовить себѣ на берегу завтракъ.

Въ $4\frac{1}{2}$ ч. утра, 19 іюля, отправились дальше бечевой; шли то правымъ, то лѣвымъ берегомъ, и раза два попадали на перекаты (мели изъ кучи камней), откуда снимались съ большимъ трудомъ, сталкивая лодку баграми и просто руками, стоя въ водѣ. По берегамъ (особенно на правомъ) попадались ручейки, каскадами катившіеся въ рѣку. Часовъ въ 10 утра встрѣтили порогъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ кучъ камней, лежащихъ по срединѣ рѣки и ближе къ правому берегу. Вода съ силой ударяла объ эти камни, пѣнилась и волновалась на разстояніи около версты внизъ по теченію; нѣсколько ниже порога былъ каменистый наносный островъ. Съ большимъ трудомъ протащили мы каюкъ чрезъ все волнующееся пространство, но впереди виднѣлся еще у берега камень, около котораго клокотала вода. Этотъ камень намъ не удалось пройти благополучно: какъ ни старались отталкивать отъ него каюкъ баграми и веслами, сильное теченіе все-таки бросило насъ на камень, и только послѣ получасовыхъ усилій удалось намъ сняться съ него и отправиться дальше. Пройдя еще съ версту, мы остановились на правомъ берегу для отдыха и для приготовленія обѣда. День былъ ясный и теплый, хотя и облачный. Здѣсь правый берегъ былъ уже ниже, а лѣвый гористый. На томъ и другомъ вездѣ встрѣчались массы валуновъ и гальки; мѣстами берегъ былъ устланъ ими на значительное пространство, въ видѣ булыжниковой мостовой. Здѣсь сварили мясную похлебку и чай; послѣ чая всѣ улеглись спать, кромѣ меня и К. Послѣдній отправился съ ружьемъ въ лѣсъ, откуда вскорѣ послышались его выстрѣлы—онъ убилъ четырехъ утокъ, а я пошелъ по берегу вверхъ по рѣкѣ. Пройдя версты три, я встрѣтилъ порогъ, состоявшій изъ поперечной гряды камней,

шедшей отъ праваго берега до середины рѣки. Вода шумѣла по камнямъ, и шумъ этотъ слышенъ былъ на большое разстояніе. Въ 4 часа мы отправились дальше и обходили порогъ съ лѣваго берега. Проходя мимо порога, каюкъ нашъ наткнулся на подводный камень: бечева лопнула, а сильное теченіе накренило каюкъ на правый бокъ, при чемъ онъ очень внушительно затрещалъ и сталъ на камняхъ поперекъ рѣки. Въ то же время сильнымъ теченіемъ вырвало изъ рукъ рабочихъ два багра, и мы остались только съ двумя. У лѣваго берега въ этомъ мѣстѣ рѣка была очень мелка, такъ что на разстояніи 50 саж. отъ берега глубина едва достигала 1 арш.; поэтому старались держаться середины рѣки, что было впрочемъ очень тяжело для рабочихъ, тащившихъ бечевой. Снявшись съ камней, едва прошли шаговъ 50, какъ снова сѣли на каменистую мель: руль сорвало, унесло еще одинъ багоръ, и каюкъ снова сталъ поперекъ, сильно накренившись на бокъ. Теченіе было здѣсь столь быстро, и напоръ воды такъ силенъ, что по дну рѣки катились камни, величиною съ кулакъ; нельзя было и думать итти на веслахъ на другой берегъ, а во что бы то ни стало, надо было протащиться бечевой по лѣвому берегу до болѣе тихаго теченія. Часовъ около семи, послѣ долгихъ и упорныхъ усилій, снялись наконецъ съ мели, и то благодаря тому, что всѣ рабочіе вошли въ воду и стаскивали каюкъ руками; хотя съ большимъ трудомъ, однако перевалили на другой берегъ на веслахъ, при чемъ каюкъ снесло саженъ на 100 внизъ, и мы рисковали снова попасть на пройденный уже нами перекатъ и пошли дальше бечевой вдоль праваго берега. Не успѣли пройти двухъ верстъ, какъ снова встрѣтили порогъ и, надѣясь обойти его у праваго берега, опять сѣли на мель. Кругомъ каюка оказалось вездѣ мелко, не болѣе $^3/_4$ арш., и потому, пробившись по-пусту болѣе часа, рѣшили перевалить на лѣвый берегъ и тамъ переночевать, а утромъ со свѣжими силами перейти порогъ у праваго берега. Поужинавъ просовой кашей и утками, которыхъ днемъ убилъ К., всѣ легли спать. Ночь была теплѣе предыдущей, и термометръ въ это время показывалъ около 8^0 R.

Часовъ въ 5 утра, 20 іюля, перешли порогъ бечевой довольно легко. Еще сквозь сонъ услышалъ я возгласы: „Отваливай носъ справа! Мѣряй глубину! Отваливайте корму! Смотрите, камень впереди!“ и проч. и тотчасъ догадался, что проходимъ опасное мѣсто. Сонъ быстро оставилъ меня, и я вышелъ посмотрѣть, какъ пройдемъ порогъ. Порогъ состоялъ изъ груды подводныхъ камней, чрезъ которые, пѣнясь, прыгала вода и волновалась далеко еще внизъ по теченію. Мимо него прошли съ лѣвой

стороны между нѣсколькими большими подводными камнями, отталкиваясь отъ нихъ шестами и баграми.

Вслѣдъ за тѣмъ прошли два небольшихъ переката, изрѣдка только наталкиваясь на подводные камни, и потомъ шли бечевой довольно спокойно вдоль лѣваго берега.

Оба берега рѣки въ этомъ мѣстѣ низменны, состоятъ изъ крупнаго песка и большихъ массъ валуновъ и поросли травой, мхомъ и лиственицей, съ очень тощими вѣтвями, вѣроятно вслѣдствіе недостатка питанія въ почвѣ, которая лежитъ здѣсь тонкимъ слоемъ, отъ 3 до 8 вершковъ, на каменистой подстилкѣ, очень рыхла и водяниста.

Издали снова показались горы Урала, съ ослѣпительно яркими пятнами снѣга. При плаваніи по Войкару, Уралъ неоднократно появляется и исчезаетъ на горизонтѣ и каждый разъ съ различной стороны, что зависитъ отъ поворотовъ рѣки. Почти весь этотъ день была пасмурная погода, и только въ полдень, когда остановились для обѣденнаго отдыха, небо немного прояснилось, и то—не надолго, такъ какъ вскорѣ съ Урала надвинулась туча и прошелъ довольно сильный дождь. Часа въ 3 отправились дальше и, пройдя версты $1^1/_2$—2, встрѣтили большой порогъ Парга-Лорумъ (страшный перекатъ) почти во всю ширину рѣки, но преимущественно у праваго берега. Каюкъ направили вдоль лѣваго берега, надѣясь съ этой стороны пройти порогъ. Несмотря на всѣ усилія тащившихъ бечевой и четырехъ багорщиковъ, каюкъ нашъ подвигался такъ медленно, что разстояніе около 60 саж. мы проходили часа полтора и въ концѣ концовъ все-таки сѣли на мель. Тотчасъ же сильнымъ напоромъ воды нашъ каюкъ повернуло поперекъ рѣки, и онъ съ зловѣщимъ трескомъ накренился на бокъ, а затѣмъ его нѣсколько разъ еще поворачивало въ ту и другую сторону. Быстрота теченія доходила до 12—15 верстъ въ часъ; вода неслась такъ стремительно, что въ глазахъ рябило, а вокругъ былъ такой шумъ отъ скачущихъ по камнямъ волнъ, что приходилось громко кричать, чтобы слышать другъ друга. Несмотря на это бурное теченіе, вода въ рѣкѣ была все-таки настолько прозрачна, что на глубинѣ болѣе одного аршина отчетливо видны были мелкіе камешки.

Положеніе наше становилось довольно затруднительнымъ: каюкъ сидѣлъ на мели очень крѣпко, и не было возможности не только сняться съ мели, но даже и повернуть его вдоль рѣки, такъ какъ его успѣло уже занести мелкими камешками, катившимися по дну рѣки отъ сильнаго напора воды. Думали уже для облегченія разгрузить каюкъ и перенести весь багажъ на берегъ. Но прежде, чѣмъ рѣшиться на это, попробовали еще одно

средство, которое, къ счастію, и увѣнчалось успѣхомъ: рѣшено было всѣмъ, кромѣ рулевого и двухъ рабочихъ, которые должны были отталкиваться баграми отъ подводныхъ камней и отъ берега, выйти на берегъ и общими усиліями тащить каюкъ бечевой. Соскочивъ съ каюка въ воду, мы съ большимъ трудомъ добрались до берега или, вѣрнѣе, до каменной косы: теченіе было такъ сильно, что положительно сбивало съ ногъ. Всѣ мы, въ числѣ одиннадцати человѣкъ, взялись за бечеву и потянули,—шли почти по колѣна въ водѣ вдоль берега. Обувь почти у всѣхъ насъ наполнилась водой, которая была довольно холодна (менѣе 9° R.), но при усиленномъ движеніи никто изъ насъ не замѣчалъ этого неудобства. Общими усиліями намъ удалось, наконецъ, снять каюкъ съ камней и протащить его выше порога почти съ версту. Тогда всѣ собрались на каюкъ для просушки промокнувшей обуви, а также и платья (такъ какъ въ то время, когда мы тянули лямку, шелъ сильный дождь и промочилъ насъ еще и сверху). На этомъ перекатѣ мы пробились болѣе трехъ часовъ и отправились далѣе только въ 7 часовъ вечера; вскорѣ затѣмъ перевалили на правую сторону рѣки, имѣвшей здѣсь отъ 40 до 70 саженъ ширины, и часовъ около 8 попали опять на перекатъ, на которомъ простояли съ полчаса; обойти его не было возможности, такъ какъ по серединѣ рѣки и у лѣваго берега, тамъ и сямъ, торчали изъ воды громадные камни. Далѣе перевалили на лѣвую сторону, такъ какъ на правой виднѣлась огромная каменная коса и, слѣдовательно, отмель. Пройдя еще дальше версты три, остановились на ночлегъ на лѣвомъ берегу рѣки. Всѣ были сильно утомлены тяжелой работой на порогахъ и нуждались въ отдыхѣ, такъ что многіе предпочли, не дожидаясь варившейся каши, поскорѣе лечь спать. Ночь была очень холодная, особенно передъ утромъ, когда поднялся сильный и холодный сѣверный вѣтеръ.

Рано утромъ, 21 іюля, я былъ разбуженъ обыкновенными уже возгласами: „Держи! держи! Бей по носу справа! Несетъ на камень!“ и т. д. Я всталъ и вышелъ изъ каюты. Вѣтеръ былъ настолько сильный и холодный, что изъ глазъ выступали слезы и трудно было устоять на ногахъ. На серединѣ рѣки былъ громадный каменный наносъ, справа и слѣва отъ него—пороги. Лѣвый порогъ былъ во всю ширину рѣки, правый же, менѣе бурливый, нѣсколько не доходилъ до каменнаго острова-наноса. Позади насъ, тамъ и сямъ, торчали изъ воды подводные камни, между которыми пѣнилась и клокотала вода. Моментъ былъ рѣшительный. Сдаться назадъ—значило рисковать разбиться о подводные камни. Оставалось перевалить на лѣвую сторону и вдоль

лѣваго берега попробовать пройти порогъ. Въ греби сѣли всѣ, кромѣ рулевого и двухъ багорщиковъ, и послѣ получасовыхъ невѣроятныхъ усилій (при чемъ, кромѣ чрезвычайно быстраго теченія, большимъ препятствіемъ для плаванія служилъ и сильный противный вѣтеръ) перевалили, наконецъ, на лѣвую сторону рѣки. Здѣсь, бросивъ якорь, всѣ, кромѣ рулевого и двухъ рабочихъ, вышли на берегъ и потянули каюкъ бечевой. Черезъ порогъ каюкъ двигался чрезвычайно медленно и съ большимъ трудомъ; нѣсколько разъ сила напора воды на каюкъ превосходила наши общія усилія, его сильно дергало, и мы, чтобы не быть сдернутыми бечевой въ воду, должны были падать на землю. Затрудненія наши еще увеличивались крутизной берега, усѣяннаго множествомъ камней, постоянно катившихся изъ-подъ ногъ и очень скользкихъ и мокрыхъ, такъ какъ въ это время шелъ упорный мелкій дождь. Послѣ часовыхъ неимовѣрныхъ усилій перетащили, наконецъ, каюкъ черезъ стремнину, перевалили на правый берегъ и, пройдя бечевой съ версту, опять встрѣтили бурный перекатъ во всю ширину рѣки. Это былъ тотъ самый перекатъ, на которомъ въ экспедицію Кольштедта погибъ одинъ изъ его рабочихъ, сброшенныхъ въ воду бечевой: сильнымъ теченіемъ пронесло его внизъ саж. на 50, и разбило о подводные камни.

Здѣсь опять всѣ вышли на берегъ и протащили каюкъ черезъ перекатъ общими усиліями. Въ этотъ день, съ утра до полудня, былъ явственно видѣнъ Уралъ, съ какими-то розоватыми полосами вдоль хребта, но къ вечеру онъ опять скрылся изъ виду. Послѣ обѣда двинулись дальше и вскорѣ снова встрѣтили перекатъ во всю ширину рѣки между двумя огромными каменными наносами. Каждый изъ этихъ наносовъ имѣлъ около 50 саж. въ длину и очень напоминалъ собою мостовую изъ крупнаго булыжника. Здѣсь пробились около часу, причемъ пришлось перевалить на лѣвую сторону, по которой шли до вечера; встрѣтили дальше небольшой песчаный островъ, поросшій лиственицей, и около него небольшой перекатъ, который прошли безъ особыхъ затрудненій. Правый берегъ дальше былъ возвышенный, лѣвый—низменный, и оба покрыты массой валуновъ. Вечеромъ прошли еще одинъ перекатъ безъ большихъ, впрочемъ, хлопотъ. Вообще въ прохожденіи перекатовъ и пороговъ нашъ экипажъ пріобрѣлъ уже нѣкоторую сноровку и чѣмъ дальше, тѣмъ становился опытнѣе. Рѣка здѣсь сильно волновалась во всю ширину. По серединѣ рѣки былъ большой подводный камень, на который съ ревомъ набѣгала вода и, пѣнясь, давала обратную волну, валившуюся съ камня шумнымъ каскадомъ. Рѣка въ этомъ мѣстѣ дѣлаетъ крутой поворотъ къ востоку, и Уралъ появляется

сзади. Сдѣлавъ еще два поворота по рѣкѣ, мы неожиданно подошли къ устью р. Нельки; никто изъ рабочихъ-зырянъ не предупредилъ насъ, и Нелька была для насъ пріятнымъ сюрпризомъ. Недалеко отъ устья Нельки съ Войкара открывается прекрасный видъ на горы Урала. Онѣ тянутся на NE темносинею грядой, на которой мѣстами блестятъ яркія, бѣлыя пятна—снѣгъ, лежащій въ долинахъ. Въ бинокль ясно было видно, что эта гряда состоитъ изъ трехъ параллельныхъ цѣпей горъ, одна другой выше.

Устье Нельки, 30—40 саж. ширины, съ крутыми обрывистыми берегами, возвышающимися сажени на четыре. Далѣе рѣка дѣлается нѣсколько уже, а берега ея—менѣе обрывистыми. Противъ устья на лѣвомъ берегу Войкара, верстахъ въ пяти, расположены остяцкія юрты Азягоу, состоящія изъ трехъ чумовъ, да и тѣ обитаемы только осенью и зимою: на лѣто остяки уходятъ изъ нихъ на Обь промышлять рыбу. Эти юрты были послѣднимъ человѣческимъ жильемъ, мимо котораго мы теперь проходили, направляясь къ пустынному и безлюдному Уралу.

Пройдя съ пол-версты вверхъ по Нелькѣ, мы остановились на ночлегъ на лѣвомъ берегу ея. Вечеръ былъ тихій, но прохладный, и небо покрыто облаками. Такимъ образомъ, мы простились наконецъ съ Войкаромъ. Въ каждомъ изъ насъ рѣка эта оставила много воспоминаній: съ одной стороны—какъ чрезвычайно живописная своими берегами и интересная своими порогами и перекатами, съ другой—какъ неудобная и даже весьма опасная для плаванія по ней, особенно въ большой лодкѣ, и не разъ угрожавшая намъ серьезной опасностью. По Войкару и Нелькѣ, какъ говорили намъ наши рабочіе-зыряне, никто не ѣздитъ: даже остяки на своихъ легкихъ лодочкахъ не рѣшаются плавать по этимъ рѣкамъ, большія же лодки, подобныя нашей, сюда никогда не заходили.

22-го іюля день былъ съ утра дождливый, небо покрыто сплошными облаками. Часовъ въ 9 утра С. и Б. съ двумя рабочими отправились вверхъ по Нелькѣ на маленькой лодкѣ, но верстахъ въ четырехъ они встрѣтили порогъ, чрезъ который не могли проѣхать и дальше пошли пѣшкомъ; пройдя еще версты двѣ, они достигли, такъ называемыхъ, Шишкинскихъ амбаровъ, куда долженъ былъ прибыть А. съ лошадьми, но, не найдя тамъ никого, оставили записку на случай скораго прибытія А. и возвратились на каюкъ. Въ этотъ день перевезли на остяцкой лодкѣ съ каюка до порога всѣ желѣзные инструменты, вѣсомъ около 50 пуд.

На другой день, 23-го, опять шелъ дождь, и весь день было пасмурно. Вода за сутки значительно прибыла, и явилась

надежда подняться на каюкѣ выше, тѣмъ болѣе, что каюкъ былъ значительно облегченъ. Поэтому вечеромъ отправились на веслахъ дальше. Рѣка была отъ 20 до 40 саж. шириною, съ низкими, но крутыми берегами и каменистымъ дномъ. Главное направленіе съ NW на SE, но въ теченіи своемъ она дѣлаетъ много поворотовъ. Дно рѣки мѣстами состоитъ изъ крупныхъ камешковъ, мѣстами—изъ мелкой гальки, переходящей почти въ гравій. Берега покрыты травой, мхомъ и лиственицей; валуновъ и гальки на нихъ не видно, а лишь крупный песокъ. Теченіе рѣки мѣстами настолько быстро, что, при усиленной греблѣ шести человѣкъ и отталкиваніи шестами, лодка наша подвигалась весьма медленно. Валуновъ и гальки по берегамъ не было видно вслѣдствіе половодья; мѣстами, впрочемъ, попадались же на пескѣ большіе камни. Кромѣ лиственицы, на берегахъ, ближе къ водѣ, встрѣчаются кусты тальника. Въ 6 часовъ встрѣтили порогъ во всю ширину рѣки, которая здѣсь была саженъ 20—30. Черезъ порогъ перетянули каюкъ бечевой общими силами. Далѣе прошли еще одинъ небольшой перекатъ и въ 7½ часовъ прибыли къ Шишкинскому амбару—квадратной избушкѣ (въ 2 сажени), срубленной изъ круглыхъ лиственичныхъ стволовъ и крытой такими же жердями. Дверь была выломана и стояла съ правой стороны у входа; оконъ нѣтъ. Надъ входомъ надпись: „Въ 1876 году разыскивался золотой пріискъ...“ Дальше слова стерлись и невозможно было ничего разобрать. Избушка эта, расположенная въ 50 шагахъ отъ берега, выстроена экспедиціей купца Шишкина, которая въ означенномъ году отправилась на Сѣв. Уралъ для розысковъ золота. Переходя потомъ Сѣв. Уралъ, мы часто встрѣчали, въ разныхъ мѣстахъ его, глубокіе шурфы, съ деревянными крѣпями, пробитые, какъ говорили намъ наши рабочіе-зыряне, Шишкинской экспедиціей.

Мѣстность, на которой стоитъ избушка, на значительномъ пространствѣ безлѣсна; гряда Урала видна отсюда явственно и кажется очень близкой, не болѣе 4—5 верстъ.

24 іюля цѣлый день шелъ дождь, и мы почти все время провели въ каюкѣ. Выйти на берегъ не было никакой возможности, потому что моховое болото, покрывавшее весь берегъ, отъ постоянныхъ дождей совершенно размокло, и ноги вязли въ немъ чуть не до колѣнъ; сидѣть же въ каюкѣ всѣмъ вмѣстѣ, и притомъ согнувшись, вслѣдствіе недостаточной высоты его помѣщенія, было тѣсно, да и порядочно-таки надоѣло намъ послѣ почти двадцатидневнаго на немъ плаванія. Непріятность нашего положенія увеличивалась еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что не было А. съ рабочими и лошадьми, и относительно ихъ участи можно было

дѣлать лишь однѣ предположенія и догадки. Путь ихъ отъ Мужей по тундристому болоту и густымъ зарослямъ и чащамъ, вслѣдствіе постоянныхъ дождей, безъ сомнѣнія, былъ очень труденъ и для лошадей почти невозможенъ. Припасовъ было взято не болѣе, какъ на пять дней, а между тѣмъ, по нашему расчету, А. находился въ дорогѣ уже около недѣли. Наконецъ могли выйти недоразумѣнія съ рабочими, которые, получивъ жалованье впередъ за мѣсяцъ, могли ко всему придраться и выйти изъ повиновенія, а можетъ быть—и совсѣмъ отказались итти дальше въ виду трудности пути и неблагопріятной погоды. Послѣднее было тѣмъ болѣе возможно, что и среди нашихъ рабочихъ замѣтно было недовольство: нѣкоторые изъ нихъ, напуганные труднымъ плаваніемъ по Войкару, открыто роптали и, утверждая, что дальнѣйшій путь будетъ еще тяжелѣе, выражали намѣреніе возвратиться пѣшкомъ въ Мужи.

Въ случаѣ, если не приведутъ лошадей, предполагалось сдѣлать нѣсколько нартъ и, взявъ съ собою самыя необходимыя вещи и сухарей въ ограниченномъ количествѣ, перевалить черезъ Уралъ собственными силами, по очереди таща на себѣ нарты съ багажемъ. Но когда сказали объ этомъ рабочимъ, то они отказались дѣлать нарты, отговариваясь неумѣніемъ, а тѣмъ болѣе—тащить ихъ.

На слѣдующій день, съ утра до 5-ти часовъ пополудни не было дождя, и сквозь густыя, сѣрыя облака по временамъ проглядывало даже солнце. Пользуясь этимъ, мы перевезли и сложили въ избушку желѣзные горные инструменты и прочія вещи, оставленныя раньше у порога на Нелькѣ. Въ избушкѣ поставили имѣвшійся у насъ кузнечный горнъ и, разведя въ немъ огонь, стали сушить здѣсь свои вещи и одежду, такъ какъ всѣ онѣ были сыры, покрыты плѣсенью и нуждались въ свѣжемъ воздухѣ и просушкѣ. На берегу около избушки былъ сдѣланъ берестяный навѣсъ изъ имѣвшагося у насъ такого же остяцкаго чума; подъ этимъ навѣсомъ помѣщались рабочіе, онъ же служилъ и общей столовой.

Моховыя болота вокругъ сильно размокли отъ дождей, и ходить по нимъ все еще было неудобно. Въ нѣсколькихъ болѣе сухихъ мѣстахъ попробовали прокопать почву: она оказалась состоящею изъ бураго слоя, родъ торфа, происшедшаго изъ перегнившихъ моховыхъ массъ, въ перемежку съ прослойками синей глины, и на глубинѣ 8—12 вершковъ была мерзла. Слой торфа былъ сильно пропитанъ водой, которая обильно выступала изъ него при надавливаніи и быстро покрывала дно выкапываемыхъ въ немъ ямъ. Съ 5-ти ч. вечера этого дня и весь слѣдующій

день шелъ опять упорный, мелкій дождь, а по вечерамъ стоялъ густой туманъ.

27-го утромъ всѣ мы были неожиданно обрадованы прибытіемъ А. Онъ пришелъ съ двумя проводниками зырянами, лошадей же и двухъ рабочихъ оставилъ верстахъ въ 6-ти отъ избушки, на берегу Нельки. По его словамъ, онъ прошелъ отъ Мужей прямо къ Уралу въ западномъ направленіи, перешелъ хребетъ Малаго Урала и затѣмъ, по долинѣ между Большимъ и Малымъ Ураломъ, достигъ истоковъ Нельки, по берегу которой и пришелъ къ Шишкинской избушкѣ, сдѣлавъ въ эти восемь дней около 150 верстъ. Пройти прямо и ближе не было никакой возможности, вслѣдствіе огромныхъ болотъ и непроходимыхъ зарослей изъ лиственицы и тала. Впрочемъ и обходная дорога оказалась далеко не легкой, особенно для лошадей, которыя часто тонули въ моховыхъ болотахъ почти по брюхо; не малымъ препятствіемъ являлись также горные ручьи и рѣчки, которые приходилось переходить въ бродъ. Вслѣдствіе этого лошади были сильно измучены и давали слабую надежду на успѣхъ дальнѣйшаго пути. Такъ какъ на мѣстѣ ихъ остановки была трава, то рѣшили оставить ихъ тамъ до самаго отправленія на Уралъ и дать возможность отдохнуть и подкрѣпиться кормомъ, самимъ же на каюкѣ подняться, если окажется возможнымъ, до мѣста остановки лошадей.

Какъ бы то ни было, мы всѣ были очень рады двинуться, наконецъ, впередъ и проститься съ гостепріимнымъ Шишкинскимъ амбаромъ, около котораго мы провели четверо скучныхъ, ненастныхъ сутокъ. Тотчасъ послѣ обѣда снова были перенесены на каюкъ всѣ наши вещи, кромѣ тяжелаго желѣзнаго бура и кузнечнаго горна, которые мы оставили въ избушкѣ, такъ какъ взять ихъ съ собою въ горы не было никакой возможности. Послѣ этого дверь избушки была заколочена, и ровно въ часъ дня мы отчалили отъ мѣста стоянки. Нелька здѣсь дѣлится на два рукава, ограничивающихъ собою треугольный островъ, съ пол-версты длиною, густо поросшій лиственицей и таломъ. Лѣвый протокъ уже и мельче, и протащить каюкъ по немъ не было возможности; правый же достаточно глубокъ, но при самомъ сліяніи съ лѣвымъ образуетъ бурный порогъ почти во всю ширину, съ нѣсколькими торчащими изъ воды огромными камнями. Этотъ порогъ четверо сутокъ услаждалъ нашъ слухъ своимъ шумомъ, и теперь намъ предстояло перейти его, пользуясь прибылью воды въ рѣкѣ отъ четырехдневнаго дождя. Вообще горныя рѣки, какъ замѣтили мы это на Войкарѣ и Нелькѣ, а впослѣдствіи и на горныхъ рѣчкахъ на самомъ Уралѣ, находятся въ полной зависимости отъ

количества выпадающихъ въ горахъ дождей: въ сухое время уровень воды въ нихъ сильно падаетъ, и многія изъ нихъ превращаются въ тощіе ручейки, но достаточно нѣсколькихъ дождливыхъ дней, чтобы эти ручейки приняли видъ шумныхъ потоковъ и многоводныхъ рѣкъ. Переходъ черезъ порогъ былъ труденъ. Мы опять очутились въ знакомой уже намъ обстановкѣ. Опять закипѣла вокругъ насъ пучина, и заклокотали сердитыя волны, пѣнясь и перекатываясь съ ревомъ черезъ огромные подводные камни. Два раза рвалась бечевая, и насъ сносило черезъ весь порогъ къ мѣсту отправленія; нѣсколько разъ садились на подводные камни, причемъ каюкъ поворачивало поперекъ рѣки и наклоняло на бокъ. Пробившись такъ часа полтора, перешли наконецъ порогъ и потянули дальше бечевой вдоль праваго берега.

Нелька здѣсь имѣетъ 10—15 саж. ширины и дѣлаетъ постоянные повороты; общее направленіе рѣки съ NW на SE постепенно переходитъ въ W—E и далѣе въ SW—NE. Ясно, что здѣсь рѣка образуетъ дугу (луку), представляющую самую сѣверную часть ея теченія. Такимъ образомъ, если принять, что устье Нельки находится приблизительно подъ 65° 50' с. ш., какъ показано это на картахъ Березовскаго округа, то надо допустить, что положеніе этого изгиба Нельки соотвѣтствуетъ почти 66° с. ш. Къ сожалѣнію, у насъ не было приборовъ для астрономическаго опредѣленія широты, и потому нельзя сказать, насколько выше-приведенныя цифры приближаются къ истинѣ. Какъ бы то ни было, но этотъ поворотъ рѣки отъ SW—NE къ NW—SE нужно считать крайнимъ сѣвернымъ пунктомъ нашего пути, такъ какъ дальше уже ни по Нелькѣ, ни на Сѣв. Уралѣ мы не достигали такой широты.

Съ полудня небо нѣсколько прояснилось, и по временамъ проглядывало даже солнце, но часовъ около трехъ снова покрылось густыми сплошными облаками, и пошелъ дождь, который прекратился лишь въ 5 час., послѣ чего съ рѣки сталъ подниматься густой туманъ, и въ воздухѣ замѣтно потеплѣло. Оба берега рѣки далѣе низменны и густо поросли таломъ, лиственицей и березой. Вода доходила до самыхъ деревьевъ, что очень затрудняло путь рабочимъ, тянувшимъ бечевой: имъ часто приходилось расчищать себѣ дорогу топорами. Берега состоятъ изъ песка и гальки, дно рѣки выстлано гравіемъ, галькой и большими округленными камнями. Далѣе прошли еще два небольшихъ переката и одинъ поворотъ рѣки; послѣдній—съ большимъ трудомъ, такъ какъ теченіе было очень быстрое и бечева тянула почти подъ прямымъ угломъ. Часовъ въ 9 вечера остановились на ночлегъ на лѣвомъ берегу рѣки. До лошадей оставалось еще

версты 2—3 по прямому направленію и несравненно, конечно, больше по рѣкѣ. Вечеръ былъ тихій и довольно теплый (около 12° R.). На берегу развели большой костеръ, яркимъ заревомъ освѣщавшій ближайшія деревья и рѣчку. Скоро поспѣли чай и каша, и, поужинавши съ большимъ аппетитомъ, мы всѣ пришли въ хорошее настроеніе, чему опять-таки не мало способствовало присутствіе А. Ночь была прохладна, а къ утру поднялся холодный сѣверный вѣтеръ.

Рано утромъ, 28-го числа, отправились дальше. Сильный противный вѣтеръ много мѣшалъ нашему движенію, а часовъ въ 7 утра къ вѣтру присоединился еще и дождь. Въ одномъ мѣстѣ при поворотѣ рѣки было очень быстрое теченіе; здѣсь порвалась бечева, и каюкъ нашъ съ полверсты несло внизъ по рѣкѣ, пока не удалось его остановить, ухватившись руками за прибрежные кусты тала; якорь же, брошенный съ каюка, скользилъ по каменистому дну рѣки и не могъ удержать лодки. Послѣ полудня пошелъ очень сильный дождь, который вмѣстѣ съ холоднымъ порывистымъ вѣтромъ сдѣлалъ положительно невозможнымъ наше дальнѣйшее плаваніе. Поэтому каюкъ приворотили въ кусты тала на лѣвомъ берегу рѣки и рѣшили переждать дождь. Съ большимъ трудомъ развели на берегу огонь и приготовили похлебку и чай. Выйти изъ каюты не было возможности, такъ какъ вѣтеръ былъ настолько силенъ, что трудно было устоять на ногахъ; сильный дождь по временамъ перемежался со снѣгомъ (крупой); въ каюкѣ было сыро и холодно, и, несмотря на теплое платье, въ которое всѣ были одѣты, мы все-таки дрожали отъ холода. Часовъ въ 5 пришелъ нашъ главный проводникъ Алексѣй Коневъ, зажиточный зырянинъ изъ Мужей, пришедшій на Нельку сухимъ путемъ вмѣстѣ съ А. Съ нимъ потолковали относительно дальнѣйшаго пути, причемъ онъ сообщилъ, что до рудника на Харутѣ осталось верстъ 50, и съ помощію Божіей онъ надѣется совершить этотъ путь благополучно. Въ разговорахъ онъ часто употреблялъ церковно-славянскія выраженія, какъ и его товарищи рабочіе-зыряне, которые на каюкѣ и потомъ на ночлежныхъ остановкахъ на Уралѣ нерѣдко, собравшись въ кружокъ, распѣвали псалмы, тропари и другія церковныя пѣсни: нѣкоторые изъ нихъ состояли въ хорѣ при Мужинской церкви. Коневъ сразу произвелъ на насъ впечатлѣніе энергичнаго и знающаго свое дѣло человѣка, какимъ онъ зарекомендовалъ себя во время сухопутнаго перехода на Нельку съ А. Поэтому весь дальнѣйшій путь поручили ему и отдали подъ его команду всѣхъ рабочихъ-зырянъ, на которыхъ онъ имѣлъ замѣтное вліяніе. Дождь, между тѣмъ, нѣсколько уменьшился, и рѣшено

было отправиться дальше. Коневъ тотчасъ же выказалъ свою распорядительность, командовалъ рабочими и самъ работалъ вмѣстѣ съ ними, бродя въ водѣ и прыгая чрезъ кусты тальника, какъ мальчикъ, несмотря на свои 60 лѣтъ. Рабочіе, по его примѣру, тоже взялись за дѣло охотнѣе и даже самые лѣнивые сбросили съ себя обычную сонливость. Послѣ двухчасового плаванія пріѣхали, наконецъ, къ мѣсту, гдѣ стояли лошади съ нартами. Лѣвый берегъ здѣсь былъ крутой, сажени три вышины, мѣстами подмытый рѣкой и обвалившійся, гдѣ можно было видѣть, что онъ состоитъ изъ слоя торфа, толщиною въ 2—3 арш., подъ которымъ находились глина и песокъ. Берегъ представлялъ обширную равнину, съ рѣдко поросшими на ней лиственицами. Равнина покрыта моховыми и поросшими травой кочками; въ промежуткахъ между ними—мелкіе кустики Betula nana, на кочкахъ много морошки (Rubus chamaemorus), а шагахъ въ 200 отъ берега—озеро (вѣрнѣе—лужа). Дичи на берегахъ Нельки вообще очень мало, мало даже чаекъ; попадались, впрочемъ, иногда куропатки и глухари; мѣстами видны слѣды медвѣдя и оленей. Пока на берегу варилась каша, на каюкѣ шла переборка и выгрузка вещей, такъ какъ на другой день предполагалось выступить въ путь пѣшкомъ. Вечеромъ мы всѣ были заняты мыслью о предстоящемъ на другой день отправленіи въ горы и все время за ужиномъ провели въ оживленной бесѣдѣ, которой не помѣшалъ даже сильный и холодный вѣтеръ, не утихавшій и ночью, и только около полуночи отправились на каюкъ, чтобы провести на немъ послѣднюю ночь.

29-го іюля вѣтеръ былъ все такой же холодный, хотя немного тише; онъ дуетъ съ Урала и у мѣстныхъ зырянъ носитъ названіе „каменнаго вѣтра". Уралъ тянется передъ нами въ видѣ непрерывной цѣпи въ SN направленіи: это—такъ называемый здѣсь, Малый Уралъ. За нимъ вдали синѣетъ цѣпь Большого Урала, идущая параллельно первой, верстахъ, приблизительно, въ 15-ти отъ Нельки. Нѣкоторыя вершины Малаго Урала имѣютъ оригинальную форму; такъ одна изъ горъ на сѣверѣ этой цѣпи имѣетъ видъ чашки, опрокинутой вверхъ дномъ, и напоминаетъ собою вулканическій конусъ со срѣзанной верхушкой.

Съ 6-ти часовъ утра сегодня идутъ приготовленія въ путь. Беремъ только самыя необходимыя вещи и припасы въ ограниченномъ количествѣ—не болѣе, какъ на двѣ недѣли—въ виду того, что по прибытіи на рудникъ предполагаемъ послать оттуда вторично лошадей на каюкъ за остальными припасами и вещами. Къ обѣду нарты были нагружены, но когда попробовали двинуться, то онѣ оказались слишкомъ тяжелыми для лошадей.

Поэтому рѣшили оставить въ каюкѣ еще часть горныхъ инструментовъ, нѣкоторыя мелочи, между прочимъ и мою переносную химическую лабораторію и кое-что изъ припасовъ. Оказалось, что каждая лошадь могла тащить нарту, нагруженную 6—7 пуд. клади, и то—съ усиліемъ. Такимъ образомъ, еще до выступленія въ путь обнаружилось неудобство передвиженія на лошадяхъ по этимъ моховымъ болотистымъ пространствамъ. Въ дальнѣйшемъ пути на Сѣв. Уралѣ эта слабая сторона нашей экспедиціи обнаружилась еще сильнѣе и была главной причиной неудачнаго исхода всей поѣздки.

Всѣ оставленныя на каюкѣ вещи были сложены въ обоихъ его помѣщеніяхъ, заперты на замокъ, и самый каюкъ отведенъ въ болѣе удобное для стоянки на рѣкѣ мѣсто, поставленъ на якорь и привязанъ къ прибрежнымъ кустамъ тала.

III. На Сѣверномъ Уралѣ.

Послѣ полудня, 29 іюля, всѣ сборы въ путь пѣшкомъ были окончены, и часовъ около пяти нашъ маленькій караванъ двинулся по направленію къ Уралу. Впереди шелъ проводникъ Коневъ, за нимъ слѣдовалъ обозъ, состоявшій изъ шести нартъ, запряженныхъ лошадьми, въ сопровожденіи погонщиковъ, за обозомъ шли остальные рабочіе и участники экспедиціи—всего 19 человѣкъ. Всѣ были въ дорожныхъ костюмахъ и съ длинными посохами въ рукахъ, которые, по словамъ зырянъ, необходимы при ходьбѣ по моховымъ болотамъ Сѣв. Урала. Нѣкоторые болѣе легкіе предметы, какъ оружіе и кое-что изъ одежды, несли на себѣ. Версты двѣ шли по открытымъ моховымъ болотамъ въ западномъ направленіи, а затѣмъ вошли въ жиденькій лѣсъ, состоящій большею частію изъ лиственицы: изрѣдка между лиственицей попадалась и береза. Въ лѣсу точно также почва была кочковатая, болотистая, поросшая мхомъ и лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ травой. Нѣкоторыя мѣста были сплошь покрыты густымъ и низкимъ кустарникомъ полярной березы (Betula nana L.) и багульника (Ledum palustre L.), распространявшаго вокругъ свой сильный запахъ. Мѣстами попадались голыя площадки, покрытыя щебнемъ и галькой: это, очевидно,—подпочва, на которой здѣсь не образовался—или вслѣдствіе какихъ-нибудь причинъ уничтоженъ—растительный слой, вообще отличающійся здѣсь весьма незначительной мощностью, не болѣе нѣсколькихъ вершковъ. Этой незначительной глубиной почвы можно объяснить и тотъ заморенный, тощій видъ, какой имѣетъ здѣсь вся древесная

растительность: многія лиственицы совершенно лишены зелени, у другихъ же зеленѣющія вѣтви видны лишь вблизи верхушки. Этимъ же можно объяснить и множество лежащихъ, тамъ и сямъ, упавшихъ и вывороченныхъ съ корнемъ большихъ деревьевъ. Очевидно, что вслѣдствіе недостаточной глубины почвы онѣ столь нетвердо и неустойчиво держатся въ ней, что при каждомъ значительномъ вѣтрѣ, а можетъ быть и отъ собственной тяжести, падаютъ, вырванныя съ корнями. Подъ такими упавшими деревьями, на мѣстѣ, гдѣ были корни дерева, я всегда находилъ обнаженную каменистую подпочву, состоящую изъ щебня. Она сильно напоминала тѣ площадки щебня и гальки, о которыхъ я говорилъ выше. Очень можетъ быть, что и эти послѣднія произошли именно такимъ путемъ, вслѣдствіе паденія большихъ деревьевъ и выворачиванія слоя почвы, вмѣстѣ съ корнями дерева. Такія же круглыя каменистыя площадки, около аршина и болѣе въ діаметрѣ, очень часто и во множествѣ попадались потомъ намъ на самомъ Уралѣ не только въ лиственичныхъ рощахъ, но и на совершенно открытыхъ, лишенныхъ деревьевъ пространствахъ. Щебень этихъ площадокъ большею частію перемѣшанъ съ желтой и красной глиной, представляющей, очевидно, продуктъ разрушенія коренныхъ горныхъ породъ.

Вскорѣ мѣстность стала постепенно повышаться, а вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалась суше и обильнѣе каменистыми площадками. Еще черезъ полчаса мы очутились на небольшой возвышенности, саж. въ 20—30, съ которой открывался прекрасный видъ на долину р. Войкара. Подъ нами былъ только что пройденный нами лѣсокъ, далѣе къ востоку—обширное болотистое моховое пространство, по которому красиво вилась окаймленная густыми зарослями тала Нелька, а тамъ—на краю горизонта—синѣлъ Войкаръ; справа и слѣва, въ обѣ стороны, уходила цѣпь холмовъ и горъ Малаго Урала. Мы находились на небольшомъ предгорьѣ этой цѣпи, которое служило и мѣстомъ перевала въ одну изъ поперечныхъ долинъ. И дѣйствительно, вскорѣ мы начали спускаться и вошли въ большую долину, саж. 150—200 въ ширину, ограниченную съ обѣихъ сторонъ двумя рядами высокихъ горъ, въ разныхъ мѣстахъ пересѣченныхъ глубокими оврагами. По серединѣ долины шумно протекаетъ по каменистому ложу широкій, но мелкій ручей, впадающій дальше, по выходѣ изъ долины, въ Нельку. Горы, стоящія по бокамъ долины, покрыты мхомъ приблизительно до $^2/_3$ высоты, а на вершинахъ совершенно голы, съ огромными массами щебня. Мѣстами, на той и другой сторонѣ, попадаются естественные выходы діорита и сіенита: эти двѣ горныя породы, по всей вѣроятности, составляютъ главную массу горъ этого про-

хода. Мѣстами вершины горъ были увѣнчаны голыми призматическими скалами, очень похожими на искусственные монументы. Особенно красива была гора, которой оканчивался этотъ проходъ съ лѣвой стороны и которая издали еще виднѣлась передъ нами: она вся представляла голую скалу, которая причудливыми уступами рисовалась на краю горнаго прохода.

Самая долина идетъ въ NW направленіи и представляетъ значительный подъемъ, какъ можно уже судить и по быстротѣ теченія бѣгущаго по ней ручья. Почва—моховая, болотистая; справа—довольно густой, но часто прерывающійся лиственичный лѣсокъ (въ немъ попадается также и береза); а по берегамъ ручья—густыя заросли тальника. Густой кустарникъ Bet. nana, покрывающій сплошь большія пространства, сильно затрудняетъ путь. Въ перелѣскахъ попадаются грибы изъ родовъ Boletus и Agaricus (масленикъ, груздь, сыроѣжка и пр.); всѣ они уже стары и поражаютъ своими размѣрами: шляпка у многихъ достигаетъ 6—8 вершковъ въ діаметрѣ.

Часовъ въ 8 вечера достигли окончанія прохода, т. е. перешли поперекъ цѣпь горъ Малаго Урала, и остановились на ночлегъ у подножія крайней скалистой горы на берегу ручья, такъ какъ въ этомъ мѣстѣ была трава, и, слѣдовательно, можно было покормить лошадей. Изъ имѣвшагося у насъ паруса съ каюка тотчасъ сдѣлали навѣсъ, чтобы можно было укрыться на случай дождя. Этотъ парусъ во все время перехода черезъ Уралъ служилъ намъ защитой отъ ненастья, замѣняя, до нѣкоторой степени, настоящую палатку, хотя и не вполнѣ удовлетворительно, такъ какъ прикрывалъ только сверху, боковыя же стороны оставались открытыми. Лошадей выпрягли и пустили на траву. Вблизи палатки разложили костеръ и сварили на ужинъ ячную кашу. Вечеръ былъ холодный (7° R.) и сырой. Предъ нами была огромная долина, версты 4—5 въ ширину, проходящая между Большимъ и Малымъ Ураломъ. М. Уралъ только что былъ перейденъ нами въ поперечномъ направленіи, Большой же грозной цѣпью тянулся передъ нами на западѣ. Съ мѣста стоянки хорошо были видны нѣкоторыя вершины, другія же уходили въ низко-спустившіяся облака и какъ бы дымились.

Поужинавъ съ большимъ аппетитомъ, всѣ поспѣшили лечь спать, ибо чувствовали значительную усталость. Ночью термометръ опустился еще ниже (до 4° R.), и мы всѣ порядочно озябли, чему не мало способствовалъ поднявшійся къ утру довольно свѣжій вѣтеръ, а также и то, что мохъ, на которомъ мы спали, былъ совершенно сырой, почти мокрый. Это былъ первый нашъ ночлегъ почти подъ открытымъ небомъ, и всѣ мы невольно вспом-

нили о каюкѣ, съ его, хотя и тѣснымъ, но защищеннымъ отъ дождя и вѣтра помѣщеніемъ.

На слѣдующій день всѣ встали въ 6 ч. утра и, выпивъ наскоро по чашкѣ чаю, чтобы согрѣться послѣ ночного холода, отправились дальше. Утро было ясное, солнечное, хотя изъ-за Большого Урала выплывали еще тяжелыя облака. Теперь, при дневномъ свѣтѣ, можно было хорошо разсмотрѣть окружающую насъ мѣстность. Огромная долина между Малымъ и Большимъ Ураломъ, по которой пролегалъ теперь нашъ путь, на сѣверѣ, казалось, замыкалась разрозненными группами горъ, представляющими какъ бы соединеніе Большого Урала съ Малымъ; на югъ она тянулась безъ замѣтныхъ перерывовъ, на сколько хваталъ взоръ, ограниченная съ правой стороны (съ запада) рядомъ огромныхъ горъ Большого Урала, а съ лѣвой—менѣе высокимъ Малымъ Ураломъ. Вдоль Большого Урала, по долинѣ, протекаетъ рѣчка, извѣстная подъ названіемъ Кокъ-Пала; этимъ же именемъ нашъ проводникъ называлъ и всю эту долину. Съ правой и съ лѣвой стороны въ Кокъ-Палу впадаетъ множество большихъ и малыхъ широкихъ ручьевъ, которые приходилось намъ переходить въ бродъ. Рѣка Кокъ-Пала вытекаетъ изъ горнаго прохода въ Большомъ Уралѣ, носящаго то же названіе. Этотъ проходъ, представляющій довольно узкое и мрачное ущелье, извѣстенъ подъ именемъ Кокъ-Пальскаго или Коппальскаго перевала и служитъ однимъ изъ путей для перехода чрезъ Сѣв. Уралъ. По этому-то проходу происходитъ постоянное сообщеніе зимою между зырянами Архангельской и Тобольской губерній, главнымъ образомъ, между селами Ижмой и Мужами. По этому проходу надо было пройти и намъ, чтобы попасть на западный склонъ Сѣв. Урала. Но, чтобы достигнуть прохода Кокъ-Пальскаго, нужно было сначала перейти рѣчку Кокъ-Палу или, по крайней мѣрѣ, впадающую въ нее съ правой стороны рѣчку Тумбулову. Поэтому, остановившись на берегу Кокъ-Палы, начали искать удобное для перехода мѣсто. Рѣчка шириною саженъ въ 20—30; теченіе ея быстро и бурливо, вслѣдствіе массы камней, лежащихъ одиночно и цѣлыми грядами поперекъ русла. Вблизи береговъ огромные каменные наносы, доходящіе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до середины рѣки или же образующіе на ней цѣлые каменные острова. Издали эти каменные массы имѣли бѣловатый цвѣтъ и очень напоминали большія массы льда, спертыя теченіемъ при ледоходѣ. Эта иллюзія еще болѣе поддерживалась значительными скопленіями снѣга, лежавшаго подъ крутымъ лѣвымъ берегомъ рѣки. Оба берега рѣки круты и обрывисты и отстоятъ одинъ отъ другого саженъ на 200. Весною, во время половодья, рѣка, вѣроятно,

заполняетъ все это пространство, какъ можно судить потому, что лѣвый берегъ ея, состоящій изъ красной глины, очень сильно подмытъ. Правый берегъ почти сплошь образованъ гранитомъ, средней величины зерна.

Пока мы стояли на берегу рѣки, проводникъ и двое рабочихъ искали на ней бродъ. Мѣсто для брода не должно было имѣть болѣе $^{3}/_{4}$ арш. глубины, потому что въ противномъ случаѣ нельзя было переправить лошадей съ нартами, не подмочивши багажа и провизіи. Проводникъ изслѣдовалъ рѣку на разстояніи болѣе двухъ верстъ въ обѣ стороны отъ мѣста остановки, и нигдѣ не оказалось возможнымъ перейти ее въ бродъ. Тогда рѣшили поискать брода на р. Тумбуловой, впадающей съ правой стороны въ Кокъ-Палу, и съ этою цѣлью, пройдя еще болѣе версты вверхъ по Кокъ-Палѣ, достигли устья Тумбуловой и пошли по ея правому берегу. Оба берега этой рѣки возвышенны (саж. 5—6) и круты, образованы сѣрымъ и, мѣстами, красноватымъ, средней величины зерна, гранитомъ, представляющимъ здѣсь на большомъ пространствѣ прекрасныя, естественныя обнаженія. Красноватый цвѣтъ гранита обусловливается розоватымъ и мясо-краснымъ ортоклазомъ, образующимъ значительную массу породы. Отъ цвѣта гранита и все ущелье, образуемое крутыми берегами Тумбуловой, имѣетъ въ общемъ нѣсколько красноватый сѣрый оттѣнокъ.

Вдоль Тумбуловой прошли еще около версты, и нигдѣ не нашлось удобнаго для перехода мѣста, такъ какъ рѣчка эта въ общемъ даже глубже Кокъ-Палы, а теченіе ея настолько быстро и бурливо, что вода пѣнится и съ шумомъ прыгаетъ чрезъ лежащіе поперекъ русла большіе камни. Такъ какъ берега слишкомъ круты и обрывисты, то обозу нашему спуститься къ самой рѣкѣ не было никакой возможности. Впереди и вправо, въ Большомъ Уралѣ видно было, верстахъ въ двухъ, огромное ущелье, или скорѣе глубокая долина, изъ которой вытекаетъ рѣчка Тумбулова. Тумбуловское ущелье имѣло менѣе дикій и мрачный видъ, чѣмъ ущелье Кокъ-Пала: оно все зеленѣло отъ покрывавшаго его мха, а въ глубинѣ его былъ видѣнъ даже лиственичный лѣсокъ; впрочемъ, стоящія по бокамъ ущелья (двумя высокими стѣнами) крутыя, почти отвѣсныя горы, лишенныя всякой растительности, все-таки имѣли непривѣтливый видъ.

Рѣчка Тумбулова, что по-самоѣдски значитъ „кремневая", до сліянія своего съ Кокъ-Палой вообще шире и значительнѣе послѣдней, а потому вѣрнѣе считать главной рѣкой не Кокъ-Палу, какъ считаютъ зыряне, а Тумбулову; Кокъ-Пала является лишь притокомъ послѣдней. Рѣка эта, протекая по долинѣ между

Большимъ и Малымъ Ураломъ въ NE направленіи, выходитъ далѣе изъ Уральскаго хребта и впадаетъ, какъ говорили намъ зыряне, въ Войкаръ. Это тѣмъ болѣе правдоподобно, что среднее теченіе рѣки, которое мы здѣсь могли прослѣдить на разстояніи нѣсколькихъ верстъ, всецѣло принадлежитъ восточному склону Урала, и, слѣдовательно, Тумбулова должна быть отнесена къ бассейну р. Оби, а не Печоры, какъ дѣлаютъ это нѣкоторые изслѣдователи Сѣвернаго Урала (Кушелевскій), считая Тумбулову притокомъ Наганги, впадающей въ Лемву (или Лембу)—притокъ Усы.

Переходъ черезъ Тумбулову оказался невозможнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ невозможно было достигнуть и Кокъ-Пальскаго прохода, т. е. пройти кратчайшей дорогой на западный склонъ Урала. Проводникъ заявилъ намъ, что нѣсколько дальше къ югу есть другой путь, по которому можно перевалить на западную сторону Урала. Дѣлать нечего,—пришлось избрать этотъ единственно возможный, хотя и гораздо болѣе далекій путь. Поэтому мы оставили берегъ Тумбуловой и отправились по долинѣ на югъ. Прошли небольшой лиственичный лѣсокъ и спустились въ не глубокую долину, или скорѣе логъ, по дну котораго протекалъ ручей, впадающій дальше въ Тумбулову. Здѣсь нашли траву и потому остановились, чтобы отдохнуть, покормить лошадей и приготовить обѣдъ. Въ одномъ мѣстѣ этой долины я нашелъ прекрасные выходы красноватаго гранита. Порода эта здѣсь, очевидно, преобладаетъ, какъ и по берегамъ рѣки Тумбуловой, при чемъ можно было замѣтить, что она вездѣ на пройденномъ пространствѣ занимаетъ болѣе низкіе горизонты, залегая преимущественно въ долинахъ и горныхъ проходахъ; болѣе же возвышенныя мѣста и горы образованы разными темными разновидностями діорита.

Послѣ обѣда шли тѣми же моховыми болотами, на которыхъ мѣстами довольно часто попадались каменистыя площадки, усѣянныя щебнемъ. Среди этого щебня, состоявшаго преимущественно изъ гранитныхъ обломковъ, по временамъ попадались куски тальково-хлоритоваго сланца, вишнево-краснаго глинистаго сланца (филлита) и прекраснаго снѣжно- и молочно-бѣлаго и розоватаго кварца. Нѣкоторые изъ этихъ обломковъ были округлены и съ признаками вывѣтриванія; другіе же являлись въ типичной формѣ довольно свѣжаго щебня. Поэтому крайне интересно было бы узнать, находятся ли эти обломки въ мѣстѣ своего коренного рожденія, и, слѣдовательно, породы, представителями которыхъ они являются, составляютъ подпочву этой мѣстности, или же обломки эти занесены сюда изъ другихъ, болѣе от-

даленныхъ мѣстъ? Послѣднее мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ, особенно въ виду значительнаго разнообразія петрографическаго характера этихъ обломковъ, проявляющагося на столь небольшихъ пространствахъ. Къ сожалѣнію, слишкомъ спѣшное движеніе нашего каравана не дало мнѣ возможности болѣе подробно остановиться на этомъ вопросѣ и рѣшить его на мѣстѣ, путемъ изслѣдованія, въ болѣе утвердительномъ смыслѣ.

Часовъ около восьми вечера остановились на ночлегъ противъ одной огромной горы Большого Урала. Гора эта еще съ утра виднѣлась намъ впереди на юго-западѣ въ видѣ огромнаго купола со срѣзанной верхушкой. По бокамъ ея изъ двухъ глубокихъ овраговъ, въ вершинахъ которыхъ лежали большія массы снѣга, сбѣгали два ручья, слившіеся дальше въ одинъ и представляющіе, какъ сообщили намъ зыряне, истоки знакомой уже намъ Нельки. Этимъ же именемъ назвали намъ зыряне и гору, противъ которой расположился нашъ бивуакъ. Вечеръ былъ прохладный, но довольно тихій. Часовъ въ десять изъ-за Большого Урала взошла полная луна и освѣтила мягкимъ свѣтомъ нашъ лагерь и всю долину, при чемъ огромная гора бросила отъ себя далекую тѣнь. Поужинавъ горячей кашей и выпивъ по чашкѣ чаю, всѣ мы весело размѣстились вокругъ ярко пылавшаго костра и рады были отдохнуть послѣ продолжительнаго и труднаго дневнаго перехода. Въ этотъ день мы сдѣлали около 20-ти верстъ, но эти 20 верстъ, пройденныя по топкимъ моховымъ болотамъ, въ которыхъ на каждомъ шагу глубоко вязли ноги, при частыхъ переходахъ чрезъ горные ручьи и рѣчки, съ ихъ холодной какъ ледъ водою, заливавшейся каждый разъ въ обувь, смѣло можно сказать, равнялись сорока верстамъ пути по хорошей твердой дорогѣ.

Ночь была холодная, особенно къ утру, когда подулъ сильный и холодный сѣверный вѣтеръ. Спалъ я крѣпко и почти безъ сновидѣній, чего въ домашней обстановкѣ со мной давно уже не бывало. Очевидно, что, кромѣ усталости, благодѣтельное вліяніе на сонъ оказывалъ еще и свѣжій, чистый воздухъ. Надо, впрочемъ, сознаться, что спать было не особенно удобно, какъ по причинѣ холода, такъ и вслѣдствіе того, что приходилось лежать на камняхъ, на которыхъ была разбита наша „полу-палатка“.

Съ 7-ми часовъ утра, 31-го іюля, шли по той же долинѣ вдоль Большого Урала въ юго-западномъ и южномъ направленіи. Часовъ около 9-ти перешли истоки Нельки, которая здѣсь имѣетъ саженъ 5—6 ширины и не болѣе аршина глубины; русло рѣки каменистое, теченіе быстрое и бурное отъ множества пороговъ. Немного дальше рѣчка принимаетъ въ себя еще два

большихъ ручья и далѣе устремляется на востокъ по широкой долинѣ (между холмами Малаго Урала), чрезъ которую и выходитъ на равнину у подножія. Чѣмъ дальше мы подвигаемся къ югу и юго-западу, тѣмъ ниже кажутся намъ горы Малаго Урала. Ясно, что долина, по которой мы идемъ, представляетъ постепенный подъемъ къ югу и почти незамѣтно переходитъ въ возвышенность Лапта-Пай, на которую мы сейчасъ вступаемъ. Малый Уралъ, все еще сохраняющій свое параллельное съ Большимъ направленіе, является здѣсь уже въ видѣ гряды невысокихъ холмовъ и далѣе, какъ замѣтно даже отсюда, постепенно сливается съ возвышенностью Лапта-Пай. Возвышенность Лапта-Пай, что значитъ по-самоѣдски „Голый Камень", имѣетъ тотъ же характеръ почвы, какъ и долина, по которой мы раньше шли. Все пространство покрыто мхомъ; часто попадаются каменистыя маленкія площадки. Чѣмъ выше мы поднимаемся, тѣмъ больше попадается намъ этихъ площадокъ, и тѣмъ суше почва, по которой мы идемъ.

Для обѣденнаго отдыха мы остановились на берегу ручья, который течетъ съ Лапта-Пая въ Нельку и вдоль котораго мы идемъ сегодня съ самаго утра. Послѣ обѣда, пройдя еще нѣсколько верстъ, достигли, повидимому, высшей точки Лапта-Пая, такъ какъ Малый Уралъ здѣсь совершенно сравнялся съ этой возвышенностью. Отсюда къ востоку видна была долина р. Войкара, а еще далѣе и нѣсколько къ юго-востоку, на краю горизонта, чуть синѣли Мужинскія горы. Вслѣдъ затѣмъ подошли къ огромной, но отлогой горѣ, почти сплошь покрытой большими въ безпорядкѣ разбросанными глыбами діорита. Съ вершины этой горы наши охотники А. и К. увидали вдали четырехъ оленей и начали ихъ преслѣдовать, но олени не подпустили ихъ на выстрѣлъ. Какъ предполагали наши рабочіе-зыряне, эти олени, вѣроятно, отстали отъ стада, скорѣе всего еще весною, когда по Сѣверному Уралу кочуютъ зыряне и самоѣды со своими стадами, достигающими иногда до нѣсколькихъ тысячъ головъ. Въ началѣ лѣта всѣ эти огромныя стада начинаютъ подвигаться къ сѣверу и, достигнувъ огромной тундры, покрывающей берега Ледовитаго океана, проводятъ здѣсь все лѣто, а осенью возвращаются снова въ долины Урала. Причина такого перекочевыванія на крайній сѣверъ заключается въ наступающемъ тепломъ времени и неразрывно связанныхъ съ нимъ комарахъ и мошкахъ, дѣлающихъ пребываніе въ этой мѣстности положительно невозможнымъ, а также въ развитіи нѣкоторыхъ эпизоотическихъ болѣзней, губящихъ нерѣдко цѣлыя стада оленей. Если во время такихъ перекочевокъ нѣсколько оленей отстаетъ отъ стада, владѣлецъ не

особенно заботится о нихъ и не ищетъ ихъ, а всякій другой оленеводъ, къ стаду котораго они пристанутъ, можетъ считать ихъ своею собственностью. Видѣнные нами олени, вѣроятно, и были такіе—отставшіе отъ стада. Какъ бы то ни было, но близость оленей вселила въ насъ нѣкоторую, хотя и мало вѣроятную, надежду встрѣтить въ этихъ мѣстахъ и оленеводовъ. Двухдневное наше путешествіе на лошадяхъ по болотистымъ моховымъ пространствамъ Сѣв. Урала уже достаточно ясно доказало намъ всю непригодность лошадей для этой цѣли, и встрѣча оленеводовъ со стадами была бы для насъ настоящимъ спасеніемъ, причемъ экономическія соображенія, ужъ конечно, отступили бы на второй планъ: оленей пріобрѣли бы во что бы то ни стало и за какую угодно цѣну. Тогда можно было бы послать на каюкъ за остальными вещами и провизіей, двигаться впередъ гораздо быстрѣе, а подъ-часъ и присѣсть на нарты, чтобы дать отдохнуть усталымъ ногамъ, и т. д., и т. д.—словомъ, олени теперь для насъ были все.

Услаждая себя такими розовыми мечтами, мы продолжали итти дальше, какъ вдругъ на уступахъ Большого Урала показались какіе-то бѣлые предметы, которые нашъ проводникъ принялъ за чумъ и пасущихся около него оленей. Тотчасъ всѣ бинокли и трубы были направлены на заманчивыя, таинственныя бѣлыя точки на склонахъ Урала. Но вслѣдствіе большого разстоянія и вооруженнымъ глазомъ нельзя было опредѣлить настоящей природы загадочныхъ бѣлыхъ пятенъ, а видимая неподвижность ихъ заставила уже нѣкоторыхъ изъ насъ разочароваться въ своихъ ожиданіяхъ. Тѣмъ не менѣе для изслѣдованія дѣла отправился Б. съ однимъ изъ рабочихъ; не пройдя и двухъ верстъ, онъ убѣдился при помощи бинокля въ истинной природѣ бѣлыхъ предметовъ и, возвратившись, принесъ намъ неутѣшительную вѣсть, что это были огромные камни. Мы были очень огорчены этимъ обстоятельствомъ и опять должны были примириться съ мыслью безпомощно влачить свой жалкій жребій—пѣшкомъ продолжать путь по этимъ дикимъ пустынямъ.

Между тѣмъ мѣстность становилась все болѣе и болѣе болотистой и скоро вся оказалась покрытой большими лужами, соединенными между собою цѣлою сѣтью ручьевъ, по которымъ медленно струилась вода. Это была площадь водораздѣла Лапта-Пая. Ручей, вдоль котораго мы шли съ утра, здѣсь незамѣтно сливался съ этими лужами (это были его истоки). Пройдя еще около версты, мы увидѣли другой ручей, вытекавшій изъ такихъ же лужъ, но уже въ обратномъ первому направленіи, т. е. на SE. Этотъ ручей дальше сливался еще съ нѣсколькими подобными

себѣ и образовывалъ уже довольно порядочную рѣчку, носящую названіе также Лапта-Пай, какъ сообщилъ намъ проводникъ, и впадающую дальше, по его же словамъ, въ р. Сынью, притокъ Оби. Рѣчка Лапта-Пай текла по каменистому ложу и чѣмъ дальше, тѣмъ становилась шире, стремительнѣе и уснащалась большимъ количествомъ пороговъ. Здѣсь возвышенность Лапта-Пай начинаетъ постепенно понижаться къ югу и юго-востоку; съ юго-западной же стороны она непосредственно примыкаетъ къ хребту Большого Урала, составляя какъ бы огромную террасу или предгорье послѣдняго. Горы Малаго Урала, насколько видно отсюда глазомъ, убѣгаютъ вдаль въ юго-юго-восточномъ направленіи, въ видѣ невысокихъ разрозненныхъ холмовъ, которые дальше, на краю горизонта, совершенно сливаются съ низменностью. Такимъ образомъ, возвышенность Лапта-Пай является чѣмъ-то въ родѣ горнаго узла, соединяющаго Большой Уралъ съ Малымъ, причемъ далѣе къ югу и юго-востоку этотъ послѣдній теряетъ уже характеръ самостоятельной горной цѣпи.

Часовъ около восьми вечера караванъ нашъ остановился на ночлегъ на лѣвомъ берегу рѣчки Лапта-Пая, противъ огромной горы Большого Урала, имѣвшей видъ усѣченнаго конуса, съ очень широкимъ основаніемъ. Ночь была холодная (2^0 R.), между тѣмъ какъ весь этотъ день стояла теплая и ясная погода при почти безоблачномъ небѣ.

1-го августа день былъ пасмурный, съ холоднымъ сѣвернымъ вѣтромъ. Въ путь выступили часовъ въ 7 утра и продолжали итти все вдоль береговъ р. Лапта-Пая. Мѣстность довольно сухая, покрытая мхомъ и мѣстами травой; изрѣдка попадаются каменистыя площадки, покрытыя щебнемъ и галькой. Часовъ въ 10 прошли большой холмъ, почти сплошь усѣянный огромными, въ хаотическомъ безпорядкѣ нагроможденными другъ на друга, каменными глыбами, состоящими преимущественно изъ роговообманковаго гранита. Пробираться между этими огромными камнями было очень затруднительно, особенно для лошадей, которыя были не кованы, а приходилось итти по крупному щебню и большимъ острымъ каменнымъ обломкамъ.

Вслѣдъ за тѣмъ перешли на правый берегъ Лапта-Пая, такъ какъ лѣвый былъ высокъ и сильно покатъ. Но на правомъ берегу оказалось еще больше затрудненій, такъ какъ весь онъ на огромномъ пространствѣ былъ покрытъ большими округленными камнями изъ сѣраго гранита, выстилавшими весь берегъ на подобіе гигантской каменной мостовой, по которой усталыя лошади совсѣмъ не въ силахъ были тащить нарты. Поэтому, пройдя съ большимъ трудомъ саженъ сто, снова перевалили на

лѣвый берегъ рѣки и остановились здѣсь для обѣденнаго отдыха. Переходы чрезъ р. Лапта-Пай были тѣмъ болѣе затруднительны, что рѣчка эта, достигая здѣсь саженъ 30-ти въ ширину, имѣетъ очень быстрое и бурное (отъ множества пороговъ) теченіе; большіе камни на днѣ рѣки округлены и скользки, и потому, при переходѣ въ бродъ, стремительное теченіе на каждомъ шагу грозитъ сбить съ ногъ. Впрочемъ, всѣ мы уже научились переходить въ бродъ эти стремительныя горныя рѣчки и умѣли сохранять равновѣсіе, ступая по скользкимъ подводнымъ камнямъ и упираясь своими длинными дорожными палками въ дно рѣки. Единственное неудобство этихъ переходовъ состояло въ томъ, что каждый разъ при этомъ обувь наполнялась чрезвычайно холодной водой и ноги оставались мокрыми цѣлый день. Всѣ мы скоро привыкли однако къ этому неудобству и потомъ уже не считали нужнымъ даже и говорить объ этомъ. На состояніе нашего здоровья это обстоятельство не имѣло никакого дурного вліянія, такъ какъ никто изъ насъ за все время такого двухнедѣльнаго хожденія по Сѣверному Уралу не только не захворалъ серьезно, но и не испытывалъ ни разу даже самой легкой простуды, хотя бы въ видѣ простого насморка. Это, конечно, отчасти можно объяснить тѣмъ, что при ходьбѣ отъ постояннаго движенія мы всегда согрѣвались, а на ночлегахъ мокрую обувь и платье каждый разъ замѣняли сухими, но нельзя не признать здѣсь уже и нѣкоторой приспособленности организма къ неблагопріятнымъ внѣшнимъ условіямъ дорожной обстановки, пріобрѣтенной нами постепенно въ пути, начиная съ плаванія на каюкѣ.

Послѣ обѣда шли по лѣвому берегу р. Лапта-Пая все въ томъ же южномъ направленіи. Справа видны были горы Большого Урала, слѣва же—лишь небольшіе покатые холмы. Часовъ въ пять перешли снова на правый берегъ и, пройдя еще версты двѣ, остановились на ночлегъ въ небольшой лиственичной рощѣ. Причиною ранней остановки на этотъ разъ была сломавшаяся нарта, которую здѣсь нужно было починить. Вечеръ былъ довольно теплый и тихій, но утомленные дневнымъ переходомъ мы поспѣшили улечься спать. Рано утромъ шелъ довольно сильный и холодный дождь. Еще сквозь сонъ почувствовалъ я, какъ онъ мочитъ насъ и, проникая чрезъ парусиновый навѣсъ, каплетъ на лицо, но усталость еще была такъ велика, а сонъ такъ крѣпокъ и пріятенъ, что не было возможности проснуться: я открылъ глаза лишь тогда, когда почувствовалъ подъ собою порядочную лужу дождевой воды.

Въ путь вышли въ 7 час. утра. Едва мы поднялись на возвышенность предъ Большимъ Ураломъ и не прошли еще двухъ

верстъ, какъ вновь сломалась одна нарта. Сдѣлали остановку и болѣе часа потратили на починку. Поломка нартъ въ нашемъ пути была дѣломъ довольно обыкновеннымъ: больше всего страдали при этомъ полозья, быстро стиравшіеся объ острые камни, которые часто большими массами попадались на пути. Среднимъ числомъ полозья служили не болѣе 4-хъ—5-ти дневныхъ переходовъ и затѣмъ замѣнялись новыми, для чего пользовались мы на ночлежныхъ остановкахъ лиственицей.

Далѣе шли по возвышенностямъ, при соединеніи Лапта-Пая съ Большимъ Ураломъ, вблизи вершинъ послѣдняго, почти въ западномъ направленіи. Пространства эти, на сколько хватаетъ глазъ, въ юго-западномъ направленіи представляютъ огромныя пустыни съ холмистой поверхностью, лишенныя даже мха и сплошь покрытыя обломками желтаго и краснаго песчаника, перемѣшаннаго съ гранитомъ, кварцитомъ, змѣевиками и слюдистыми сланцами. Вершины Большого Урала, видимыя теперь совершенно ясно, лишены всякой растительности и покрыты такимъ же песчаникомъ желто-краснаго цвѣта. Цвѣтъ этого песчаника и обусловливалъ тотъ красноватый оттѣнокъ, который былъ замѣченъ нами на вершинахъ Урала еще съ нижняго теченія Войкара. Среди этой волнообразно-холмистой мѣстности, тамъ и сямъ, попадаются небольшія, но очень глубокія и съ необыкновенно прозрачной водой, горныя озера. Даже по берегамъ этихъ озеръ, вблизи воды, нѣтъ ни малѣйшаго признака зелени. Очевидно, что высоты эти представляютъ совершенно безжизненныя пустыни, куда не только не заходятъ оленеводы во время своихъ весеннихъ и осеннихъ перекочевокъ, но гдѣ, по причинѣ отсутствія растительности, немыслима также и никакая животная жизнь.

Что касается абсолютной высоты этой мѣстности, то ее приблизительно можно опредѣлить въ 200 саж., судя по показанію имѣвшагося у насъ анероида, а также отчасти и потому, что многія изъ вершинъ Большого Урала, стоявшія неподалеку справа, уходили въ низко плывшія облака.

Путь по этой мѣстности былъ особенно труденъ для лошадей, которыя поминутно останавливались, не будучи въ состояніи тащить тяжелыя нарты по камнямъ, стоящимъ большею частію ребромъ. Вскорѣ начали спускаться въ широкую долину, разстилавшуюся у подножія Большого Урала; перешли еще одинъ ручей, живописно катившійся съ горъ въ эту долину и, спустившись еще ниже, подошли къ жиденькой лиственичной рощѣ, въ которой и остановились для обѣденнаго отдыха. Съ утра въ этотъ день часовъ до 9-ти шелъ дождь, остальное время было пасмурно и холодно. Послѣ обѣда вышли въ $2\frac{1}{2}$ часа пополудни, прошли

рощу, въ которой останавливались, и почти неожиданно вышли къ рѣкѣ, вытекающей изъ долины въ Большомъ Уралѣ. Проводникъ нашъ объявилъ, что рѣчка эта, которую онъ назвалъ намъ Восточной Харутой, впадаетъ дальше въ Сынью. Она въ этомъ мѣстѣ широка и течетъ во всю ширину ущелья въ Большомъ Уралѣ, по выходѣ изъ котораго и образуетъ ту широкую долину, въ которую мы спустились съ каменистой возвышенности Лапта-Пая. Долина эта пересѣкаетъ здѣсь возвышенность Лапта-Пай въ SE направленіи, которое она сохраняетъ, вѣроятно, до сліянія своего съ долиною р. Сыньи. Дальше къ югу, по ту сторону долины Восточной Харуты, вдоль хребта Большого Урала, тянется все та же безжизненная волнообразно-холмистая возвышенность Лапта-Пай.

По этому-то ущелью, изъ котораго вытекаетъ здѣсь Восточная Харута, и нужно было намъ перейти главный хребетъ Большого Урала. Сейчасъ же свернули въ это ущелье и переправили обозъ на правый берегъ рѣчки, такъ какъ онъ былъ менѣе крутъ, покрытъ мхомъ и болѣе удобенъ для передвиженія лошадей съ нартами. Нѣкоторые изъ насъ, не желая переходить рѣчку въ бродъ, пошли по лѣвому ея берегу. Весь этотъ берегъ состоитъ здѣсь изъ огромныхъ глыбъ и скалъ діорита; такой же, повидимому, составъ имѣютъ и почти отвѣсныя здѣсь вершины Урала, мрачными стѣнами стоящія по обѣимъ сторонамъ этого горнаго прохода. Высота этихъ отвѣсныхъ горъ надъ уровнемъ рѣчки можетъ быть приблизительно опредѣлена въ 100 саженъ. Рѣчка имѣетъ стремительное и бурливое теченіе и образуетъ массу пороговъ и каменныхъ наносовъ по серединѣ и вблизи береговъ. Шумъ отъ скачущихъ по этимъ порогамъ волнъ, усиливаясь резонансомъ въ горахъ, производитъ несмолкаемый дикій гулъ во всемъ этомъ ущельѣ. Съ той и другой стороны въ рѣку катятся многочисленные ручьи, величественными и шумными каскадами низвергающіеся съ крутыхъ вершинъ Урала. Эти небольшіе водопады мѣстами промыли себѣ въ плотной горной породѣ настоящіе, какъ бы искусственно высѣченные въ ней, желоба, по которымъ пѣнясь стремится ихъ холодная, какъ ледъ, и необыкновенно прозрачная вода.

Чѣмъ дальше подвигаемся мы вверхъ по Восточной Харутѣ, тѣмъ рѣка эта становится уже, а берега ея, доселѣ очень узкіе, все болѣе и болѣе расширяются. На томъ и другомъ каменистые наносы попеременно смѣняются пространствами, покрытыми мхомъ, а въ глубинѣ прохода видны даже признаки древесной растительности. Но оба берега не на всемъ протяженіи удобны были для передвиженія нашего обоза: часто огромныя каменныя

глыбы, загромоздившія одинъ берегъ, заставляли переправляться на другой, болѣе ровный и покрытый мхомъ, такъ что до ночлежнаго привала пришлось четыре раза перейти рѣку въ бродъ. Часовъ около восьми вечера на лѣвомъ берегу рѣки нашли нѣсколько тощихъ лиственицъ и траву и остановились здѣсь на ночлегъ.

Утромъ 3-го августа, еще во время сна, насъ смочило дождемъ. Въ путь выступили часовъ въ 7; шли то правымъ, то лѣвымъ берегомъ въ сѣверо-западномъ направленіи. По обѣимъ сторонамъ тянутся все тѣ же высокія, обнаженныя, разсѣченныя глубокими оврагами и ущельями горы, вершины которыхъ съ утра окутаны легкими облаками. Долина покрыта мхомъ; часто встрѣчаются густыя заросли полярной березы и багульника, а по берегамъ рѣки—низкій, но чрезвычайно густой кустарникъ тала,—этимъ и исчерпывается здѣсь вся растительность. Часовъ около десяти на лѣвомъ берегу рѣки встрѣтили рядъ коническихъ и купоıовидныхъ вершинъ—какъ бы гигантскихъ кучъ щебня и камней, искусственно насыпанныхъ саженъ въ 10—15 высоты и расположенныхъ въ рядъ предъ главной боковой цѣпью горъ. Объяснить происхожденіе этихъ конусовъ можно только болѣе или менѣе гадательно. Очень можетъ быть, что это отдѣльныя столбо-образныя скалы, отдѣлившіяся вслѣдствіе какихъ-нибудь причинъ отъ главной горы, сильно выв҇етрившіяся и перешедшія на поверхности въ щебень, который осыпался по сторонамъ и придалъ имъ форму крутыхъ, острыхъ, коническихъ кучъ щебня.

Вслѣдъ затѣмъ прошли мимо продолговатой горбо-образной горы, по формѣ очень напоминавшей извѣстные „бараньи лбы“ ледниковаго періода Гора стояла посреди рѣки и раздѣляла ее на два рукава, которые затѣмъ опять сливались вмѣстѣ. Вся она была покрыта сѣрымъ лишайникомъ, который вмѣстѣ съ многочисленными трещинами, густой сѣтью покрывавшими всю гору, придавалъ ей весьма оригинальный видъ и дѣлалъ ее похожею en gros на тѣ искусственныя горки, какія бываютъ въ акваріумахъ. Нѣсколько разъ съ утра порывался итти мелкій дождикъ, но онъ мало уже насъ безпокоилъ, такъ какъ кусты, сквозь которые намъ часто приходилось пробираться, и безъ того уже были мокры отъ ночного дождя и мочили при ходьбѣ наше платье. Въ полдень мы остановились на правомъ берегу Харуты для обѣденнаго отдыха и дальше отправились въ 3 часа пополудни по тому же правому берегу. Вскорѣ прошли мимо снѣжной массы, залегавшей на склонѣ правой горы и доходившей до самой почти ея вершины. С., К. и я задумали подняться на нее; подъемъ былъ очень крутъ, а снѣгъ настолько плотенъ, что едва можно было

пробить его палкой, мѣстами же онъ совершенно обратился въ ледъ. Поэтому итти было очень трудно: на каждомъ шагу можно было оступиться и скатиться по крутизнѣ внизъ на острые камни. Плотный, зернистый снѣгъ былъ очень похожъ на ледниковый фирнъ. Вся масса снѣга имѣла до 100 саж. въ ширину и около полу-версты въ длину, а между тѣмъ издали она казалась намъ такой маленькой! Подобныя снѣжныя массы мы часто встрѣчаемъ здѣсь: изъ-подъ нихъ обыкновенно выбѣгаютъ многочисленные ручьи, доставляющіе обильное питаніе горнымъ рѣчкамъ. Это, такъ сказать, своего рода ледники въ миніатюрѣ. Сходство съ настоящими ледниками поддерживается здѣсь какъ видомъ снѣга, образующаго эти огромныя скопленія и похожаго на глетчерный фирнъ, такъ и его постоянствомъ; недостаетъ только поступательнаго движенія, свойственнаго настоящимъ глетчерамъ*).

Здѣсь на правомъ берегу рѣки попадались мѣстами выходы зеленовато-сѣраго и голубоватаго глауконитоваго песчаника, а по берегамъ рѣки и въ образуемыхъ ею каменныхъ наносахъ встрѣчается много округленныхъ и гладко-окатанныхъ кусковъ той же породы различной величины.

Между тѣмъ вершины ближайшихъ горъ начали окутываться тяжелыми дождевыми тучами, и вдали показались признаки сильнаго дождя. Красивое зрѣлище представляли эти мрачныя тучи, скользившія по вершинамъ горъ! Чтобы укрыться отъ приближавшагося дождя, мы поспѣшили къ ближайшимъ скаламъ, которыя въ видѣ огромныхъ навѣсовъ стояли одиноко въ долинѣ. Обозъ нашъ медленно тащился по долинѣ вдоль праваго берега, и лошади поминутно останавливались. Переждавъ дождь, мы поспѣшили къ обозу, который наконецъ совсѣмъ остановился въ долинѣ. Оказалось, что лошади выбились изъ силъ и не въ состояніи были итти дальше. Бѣдныя животныя! Если намъ трудно итти налегкѣ по этимъ моховымъ болотамъ, то каково же имъ тащить тяжелыя сани по камнямъ и топямъ, въ которыхъ онѣ вязнутъ по колѣни?! Здѣсь на правомъ берегу рѣки рѣшено было

---

*) Но и это вопросъ, на который нельзя дать категорическаго отвѣта, такъ какъ въ этомъ отношеніи не было, кажется, произведено точныхъ наблюденій. Напротивъ, можно ожидать, что такое движеніе должно существовать, такъ какъ эти снѣговыя массы болѣе всего и быстрѣе подтаиваютъ въ нижнихъ своихъ частяхъ. А если это такъ, то вся разница между этими снѣговыми массами и настоящими глетчерами будетъ заключаться единственно лишь въ размѣрахъ: послѣдніе тянутся нерѣдко на десятки верстъ, первыя же большею частію ограничиваются пространствомъ около ½—1 версты.

переночевать.

Рѣка въ этомъ мѣстѣ имѣетъ всего саженъ 5—6 въ ширину, и теченіе ея нѣсколько тише. Долина между тѣмъ сильно расширяется, а горы уже не такъ высоки и круты, какъ раньше. Это уменьшеніе относительной высоты горъ происходитъ, конечно, отъ постепеннаго и весьма значительнаго поднятія долины въ NW направленіи. Правая цѣпь горъ здѣсь уклоняется отъ параллельнаго рѣкѣ направленія и уходитъ на западъ и юго-западъ, въ видѣ ряда высокихъ холмовъ, что еще болѣе расширяетъ площадь долины въ этомъ мѣстѣ. Самая долина, какъ и раньше, очень болотиста и покрыта мхомъ, но древесная растительность изчезаетъ на ней въ томъ мѣстѣ, гдѣ сегодня мы были въ полдень. Тутъ, слѣдовательно, мы и перешли границу распространенія лѣса на Уралѣ въ этихъ широтахъ и вступили въ область, лишенную всякой древесной растительности. Впрочемъ и тѣ жалкія лиственичныя рощицы, съ тощими и на половину изсохшими деревьями, которыя такъ рѣдко попадались намъ въ долинахъ Урала, строго говоря, не заслуживаютъ названія лѣса: настоящій лѣсъ мы оставили въ горномъ проходѣ Малаго Урала или, пожалуй, еще раньше—у его подошвы.

Недостатокъ дерева не смутилъ однако нашихъ зырянъ. Они быстро наломали мелкаго тальниковаго кустарника, росшаго на берегу рѣчки, и, несмотря на то, что онъ былъ совершенно сырымъ и мокрымъ отъ дождя, сдѣлали изъ него довольно порядочный костеръ, а на немъ сварили кашу и чай. Между тѣмъ дождь, прекратившійся на нѣкоторое время, снова разошелся, и мы, чтобы укрыться отъ него, сдвинули нѣсколько нартъ вмѣстѣ и растянули на приподнятыхъ и связанныхъ по-парно оглобляхъ свой парусиновый пологъ. Сюда снесли нѣкоторыя вещи и улеглись сами—кто какъ попало. Вечеръ былъ сырой и холодный, и, несмотря на горячій чай, мы все-таки не могли согрѣться. Это былъ первый вечеръ, когда всѣ мы испытывали угнетенное состояніе, вызванное отчасти неблагопріятной погодой, а, главнымъ образомъ, медленностью и трудностью пути и неизвѣстностью, когда придемъ къ руднику, такъ какъ проводникъ нашъ Коневъ не давалъ на это никакого положительнаго отвѣта. Онъ, напротивъ, сознался, что былъ въ этой мѣстности лѣтъ 20 тому назадъ, и то—зимою, когда ландшафтъ совсѣмъ измѣняется, и что онъ теперь съ трудомъ узнаетъ эти мѣста. Все это было неутѣшительно и нагоняло на насъ тоску.

Утромъ 4-го августа всѣ проснулись отъ холода и сырости часовъ около пяти и тотчасъ пошли дальше. Термометръ показывалъ 2° R.; въ воздухѣ стоялъ туманъ. Скоро изъ-за горъ по-

казалось солнце; туманъ поднялся выше и окуталъ легкими облаками вершины горъ. Лошади наши сильно изнурены: онѣ съ величайшимъ трудомъ тащатъ нарты и почти каждыя пять минутъ останавливаются. Затрудненія увеличиваются еще и тѣмъ, что почва становится чрезвычайно топкой, и лошади, то и дѣло, проваливаются по брюхо. Восточная Харута сдѣлалась здѣсь не шире ручья. Часовъ въ семь утра мы перешли водораздѣлъ Сѣв. Урала, представляющій огромное, въ высшей степени болотистое пространство. Среди безчисленныхъ лужъ здѣсь было два небольшихъ озера; изъ одного озера и вытекаетъ небольшимъ ручейкомъ Восточная Харута. Эта водораздѣльная площадь служитъ также границей между Европой и Азіей, но, разумѣется, граница эта ничѣмъ здѣсь искусственно не обозначена, и когда мы сказали зырянамъ, что они перешли уже на свою родину, въ Архангельскую губернію, они удивились, откуда мы это знаемъ.

Съ одной изъ горъ на сѣверной сторонѣ долины сбѣгалъ довольно широкій и шумный ручей, который вскорѣ затѣмъ уходилъ въ глубокій оврагъ, прорѣзывающій дальше долину въ NW направленіи. Въ этотъ оврагъ и повелъ насъ проводникъ. Спустившись въ него, мы очутились на томъ же ручьѣ, въ видѣ бурной рѣчки въ нѣсколько саженъ ширины, скакавшемъ и пѣнившемся по каменистому дну оврага. Проводникъ объявилъ намъ, что это Харута. Мы обрадовались, что Европейскій материкъ преподнесъ намъ такой неожиданный сюрпризъ, такъ какъ думали, что находимся уже у цѣли нашего путешествія, и начали, поздравлять другъ друга съ прибытіемъ на мѣсто. Но проводникъ счелъ долгомъ разочаровать насъ. Оказалось, что это была Харута, да только не та, которую намъ нужно.

Скоро оврагъ расширился, сдѣлался глубже и перешелъ въ живописное ущелье, по каменистому дну котораго шумно стремилась рѣчка—Малая Западная Харута.

Крутыя, почти отвѣсныя, а мѣстами даже нависшія въ видѣ живописныхъ скалъ горы, образующія этотъ глубокій оврагъ, съ обѣихъ сторонъ состоятъ сплошь изъ прекраснаго серицитоваго сланца, при чемъ правая сторона образована преимущественно фіолетово-красною и вишнево-красною разновидностями, съ прекраснымъ шелковистымъ блескомъ, на лѣвой же сторонѣ преобладаютъ голубоватая и зеленоватая разновидности, перешедшія мѣстами отъ вывѣтриванія въ желтовато-бурыя. Какъ тотъ, такъ и другой, особенно голубой и зеленоватый серицитовый сланецъ (филлитъ) во многихъ мѣстахъ прорѣзаны бѣлыми кварцевыми жилами. Встрѣчаются также большія глыбы кварцита и отдѣльные куски снѣжно-бѣлаго и розоваго кварца. Русло рѣки

образовано этими же породами, въ видѣ гладко окатанныхъ и округленныхъ кусковъ различной величины. Такимъ образомъ эти регенерированныя породы, а именно филлиты, образуя здѣсь, такъ сказать, дно водораздѣльной площади, ея мощную подпочву, являются породами подъ-лежащими, занимающими низшіе горизонты, сравнительно съ тѣми темноцвѣтными разновидностями діорита, которыя вездѣ на нашемъ пути составляютъ вершины и хребты горъ и являются, слѣдовательно, въ видѣ покрововъ. Онѣ, вѣроятно, уже впослѣдствіи вылились въ видѣ огненныхъ лавъ, при образованіи Уральскаго хребта, на поверхность отложившихся уже въ основаніи его глинистыхъ сланцевъ.

Рѣчка течетъ въ сѣверо-сѣверо-западномъ направленіи почти во всю ширину ущелья, образуя то съ той, то съ другой стороны, а также и по серединѣ, каменные наносы, вслѣдствіе чего нельзя держаться одного какого-нибудь берега, и мы на разстояніи 1½—2 верстъ переходимъ рѣчку въ бродъ болѣе десяти разъ, перебираясь съ одного каменнаго наноса на другой, противоположный; обозъ же движется прямо по серединѣ рѣчки, такъ какъ по скользкимъ мокрымъ камнямъ легче тащить нарты, чѣмъ по сухимъ каменнымъ наносамъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ ущелье становится глубже и шире, а бока его все выше и выше, и около полудня боковые утесы достигаютъ уже до 40 саж. высоты. Далѣе впереди видно, что эти боковыя горы теряютъ уже свой отвѣсный и скалистый голый видъ и постепенно дѣлаются отлогими и покрытыми мхомъ, хотя все еще довольно круты. Для обѣда остановились на каменистомъ наносѣ посреди рѣчки. Здѣсь намъ пришлось наблюдать, какъ быстро прибывала вода въ рѣчкѣ, вѣроятно, вслѣдствіе дождя наканунѣ: пока мы варили свой обѣдъ, вода затопила болѣе ⅔ каменнаго наноснаго острова, на которомъ мы расположились, и грозила подмочить разложенный на немъ багажъ.

Дальше въ одномъ мѣстѣ рѣчка, сильно стѣсненная скалами, была глубока и образовала бурный порогъ, и потому мы рѣшили подняться изъ ущелья и пройти это мѣсто горой. Лошадей съ нартами поднимали на крутую гору по-одиночкѣ, при помощи двухъ длинныхъ веревокъ, привязанныхъ съ обѣихъ сторонъ къ нартамъ, за которыя тащили по шести человѣкъ съ каждой стороны. Эта египетская работа продолжалась почти до самаго вечера. Поднявшись изъ ущелья на поверхность долины (водораздѣльной площади), мы ясно увидѣли, что напрасно спускались въ это ущелье и что по долинѣ могли бы пройти гораздо легче и скорѣе: пришлось бы только обогнуть одинъ глубокій оврагъ, но за то не надо было бы такъ мучить бѣдныхъ лоша-

дей при спускахъ и подъемахъ изъ ущелья. Никто изъ насъ раньше этого не зналъ, и всѣ слѣпо повиновались проводнику Коневу, который, какъ оказалось впослѣдствіи, по оплошности и непредусмотрительности довольно часто вводилъ насъ въ значительныя затрудненія въ пути.

Долина, на которую мы снова поднялись, представляетъ видъ такой же обширной, какъ и раньше, моховой, но менѣе уже болотистой, площади. Въ отдаленіи на ней, здѣсь и тамъ, видны одиночныя, остроконечныя, коническія и куполовидныя вершины; мѣстами сравнительно небольшія, саженъ въ 5—7 высоты голыя скалы, самой причудливой и разнообразной формы, напоминаютъ развалины замковъ, зубчатыхъ стѣнъ, старинныя башни, колокольни, арки и пр. Сейчасъ мы проходимъ мимо огромнаго, какъ бы искусственно насыпаннаго, поросшаго мхомъ, вала, на которомъ стоитъ голая скала въ видѣ арки, а невдалекѣ отъ нея такое же образованіе, представляющее огромное подобіе, такъ называемыхъ, „ледниковыхъ столовъ", при чемъ какъ верхняя часть, такъ и подставка этого гигантскаго стола образованы, повидимому, отдѣльными глыбами.

Пройдя около версты, мы спустились опять въ ущелье, которое оканчивалось, выходя на широкую долину, имѣвшую видъ прямоугольной площади, ограниченной съ трехъ сторонъ горами, на сѣверѣ же, съ четвертой стороны, лишь въ отдаленіи виднѣлись разрозненные высокіе холмы и крутыя вершины. Туда-то на сѣверъ и убѣгаетъ Малая Западная Харута. Особенно высоки здѣсь двѣ горы, замыкающія эту долину съ восточной стороны. Высота ихъ относительно долины не менѣе 100 саж. Одна изъ нихъ, правая, нѣсколько поката и имѣетъ сравнительно гладкую поверхность, другая же почти отвѣсно возвышается скалистыми уступами и у основанія окружена рядомъ скалъ, на подобіе зубчатой стѣны. Обѣ эти огромныя горы стоятъ по обѣимъ сторонамъ при входѣ въ мрачное дикое ущелье, замкнутое, какъ отсюда видно, и дальше такими же темносѣрыми отвѣсными стѣнами. Ущелье это уходитъ въ сѣверо-восточномъ направленіи и выпускаетъ изъ себя шумную и порожистую горную рѣчку, которая при выходѣ изъ него сейчасъ же впадаетъ въ Малую Западную Харуту. Это было то самое ущелье, по которому въ 1885 году прошелъ Кольштедтъ, какъ сообщилъ намъ одинъ изъ нашихъ рабочихъ, бывшій въ экспедиціи Кольштедта.

При устьѣ этого ущелья, у подножія двухъ огромныхъ горъ, на правомъ берегу Харуты и остановились мы теперь на ночлегъ. Весь этотъ день стояла ясная и довольно теплая погода,

по вечеръ былъ свѣжій, а къ ночи небо стало заволакивать густыми облаками.

Утромъ 5-го августа мы проснулись подъ дождемъ; небо все покрыто сплошными дождевыми облаками; ими же до половины окутаны и обѣ огромныя горы, у подножія которыхъ расположился нашъ лагерь. Вышли въ путь въ семь часовъ утра и шли въ западномъ направленіи, поперекъ обширной долины, которую перешли лишь къ 10 час. утра. Почва была чрезвычайно болотиста, на пути часто попадались ручьи, которые всѣ текли по направленію къ Харутѣ. Дождь продолжалъ между тѣмъ итти, а къ нему присоединился еще необыкновенно сильный и холодный сѣверо-восточный вѣтеръ. Достигнувъ противоположной стороны долины, мы перешли небольшую возвышенность, и предъ нами открылась новая обширная долина, тянувшаяся дальше въ юго-западномъ направленіи. Съ сосѣдней горы съ правой стороны сбѣгалъ ручей, который, принявъ въ себя еще нѣсколько небольшихъ ручейковъ, превращался дальше въ рѣчку, шумно катившуюся по дну долины на западъ. Рѣчка эта, какъ пояснилъ намъ нашъ проводникъ, называется Халимеръ, что по-самоѣдски значитъ „рѣка покойника". Такое печальное названіе дано ей потому, что на берегахъ ея нѣкогда былъ погребенъ одинъ самоѣдскій родоначальникъ. Долина рѣчки Халимеръ имѣетъ около двухъ верстъ въ ширину и съ обѣихъ сторонъ ограничена невысокими отлогими горами, покрытыми почти до половины мхомъ и на вершинахъ увѣнчанными голыми, причудливой формы каменными скалами. Горы, тамъ и сямъ, перерѣзаны глубокими поперечными долинами. Дно самой долины Халимеръ также покрыто мхомъ и очень болотисто. Берега рѣчки поросли густымъ кустарникомъ тала и полярной березы, но деревьевъ съ утра еще нигдѣ не было видно. Рѣчка Халимеръ, по словамъ нашего проводника, впадаетъ въ Большую Западную Харуту и слѣдовательно принадлежитъ къ печорскому бассейну. Холодный осенній дождь между тѣмъ не переставалъ насъ мочить, а сѣверо-восточный вѣтеръ сдѣлался еще холоднѣе и настолько силенъ, что трудно было держаться на ногахъ. Въ этотъ день экспедиція наша представляла по истинѣ жалкій видъ: лошади измучены, и обозъ тянется по долинѣ съ величайшимъ трудомъ, а люди совершенно промокли, иззябли на холодномъ вѣтрѣ и сильно утомленные бредутъ въ одиночку по моховымъ болотамъ, пробираясь мѣстами сквозь густой кустарникъ тала и полярной березы. Къ этимъ неблагопріятнымъ внѣшнимъ условіямъ присоединяется еще и безпокойство относительно провизіи, которой остается всего лишь дней на 8—10, а достать здѣсь, разумѣется, негдѣ. Между тѣмъ отно-

сительно дальнѣйшаго пути мы находимся теперь уже въ полнѣйшемъ невѣдѣніи. Вообще путь нашъ слишкомъ долго затянулся. Уже дня три мы каждый вечеръ ложимся съ надеждой, что завтра придемъ на рудникъ, но на другой день во время обѣденной остановки проводникъ обыкновенно заявляетъ, что, судя по мѣстности, до цѣли нашего путешествія уже не далеко, но что сегодня еще не придемъ. Вслѣдствіе такихъ не исполняющихся обѣщаній мы уже потеряли почти всякое довѣріе къ проводнику и продолжаемъ итти съ тою мыслью, что когда-нибудь наконецъ придемъ-таки на мѣсто. Въ полдень остановились для обѣденнаго отдыха на правомъ берегу рѣчки. Кое-какъ развели огонь изъ тоненькихъ вѣточекъ тальника и всѣ собрались вокругъ костра, чтобы хоть сколько-нибудь отогрѣть окоченѣвшіе члены. Дождь между тѣмъ уменьшился и часамъ къ 2-мъ совсѣмъ пересталъ, но за то вѣтеръ усилился еще больше. Послѣ обѣда перешли на лѣвый берегъ рѣчки и, пройдя еще версты 3—4, вошли въ одну изъ поперечныхъ долинъ, перешли въ бродъ вытекавшую отсюда рѣчку, притокъ р. Халимеръ, и, найдя здѣсь нѣсколько тощихъ лиственицъ и траву для лошадей, остановились на ночлегъ часовъ въ 7 вечера. Это были первыя лиственицы, встрѣченныя нами на западной сторонѣ отъ водораздѣльной площади, и какъ онѣ не были малочисленны и тощи, мы всетаки очень обрадовались имъ, такъ какъ явилась возможность зажечь настоящій костеръ, а въ этомъ мы теперь больше всего нуждались послѣ труднаго дневнаго перехода подъ холоднымъ вѣтромъ и дождемъ. Вскорѣ всѣ собрались вокругъ ярко пылавшаго костра, надъ которымъ висѣли уже котлы—одинъ съ жиденькой кашей, а другой съ кирпичнымъ чаемъ. Тутъ же на огнѣ К. пекъ собранные по дорогѣ грибы. Онъ умѣлъ довольно хорошо ихъ жарить и варить изъ нихъ похлебку, и потому всѣ грибы, какіе собиралъ кто во время дневнаго перехода, на обѣденныхъ и почлежныхъ стоянкахъ поручались его кулинарному искусству. Надо сказать, что за послѣднее время, особенно съ тѣхъ поръ, какъ началось наше странствованіе пѣшкомъ, меню нашего стола отличалось большою скромностью и состояло, главнымъ образомъ, изъ сухарей чернаго хлѣба и кирпичнаго чая. Правда, у насъ былъ еще небольшой запасъ соленаго мяса и нѣсколько фунтовъ крупы, но на 19 человѣкъ этого было такъ мало, что если бы все имѣвшееся въ наличности мясо и крупу въ первый же день пути употребить на обѣдъ, то и тогда, вѣроятно, никто изъ насъ не почувствовалъ бы себя совершенно насытившимся. А мы ухитряемся жить этимъ запасомъ уже шестой день, хотя нельзя не сознаться, что когда мы всѣ съ жад-

ностію накидываемся на обѣденную похлебку, каждый старается какъ можно глубже опустить въ общій котелъ свою ложку въ надеждѣ вытащить оттуда кусокъ мяса, но большею частью на ложку попадаютъ лишь одни размокшіе хлѣбные сухари, а вечерняя каша, составляющая нашъ каждо-дневный ужинъ, тоже мало оправдываетъ свое названіе: для приготовленія ея на ведерный котелъ воды употребляется лишь одна чайная чашка крупы. Въ виду такого незатѣйливаго и не слишкомъ обильнаго стола, грибы, которые по счастливой случайности попадались намъ на пути на болѣе сухихъ мѣстахъ моховыхъ пространствъ, у подножія горъ, и особенно въ лиственичныхъ перелѣскахъ, составляли для насъ настоящую „манну въ пустынѣ“. При этомъ, разумѣется, мало обращали вниманія на съѣдобность ихъ и брали всякіе, какіе только попадались по дорогѣ. Были здѣсь и грузди, и моховики, и маслеником, и сыроѣжки всѣхъ оттѣнковъ; попадались также экземпляры и подозрительные на видъ, но въ надеждѣ, что въ общей массѣ съѣдобныхъ они не произведутъ дурного дѣйствія, а между тѣмъ увеличатъ собою количество лакомаго блюда,—все валилось въ кучу безъ разбора.

Согрѣвшись у костра и подкрѣпившись ужиномъ и горячимъ чаемъ, всѣ улеглись подъ парусиновый навѣсъ и скоро уснули безмятежнымъ сномъ.

6-го августа съ утра версты двѣ шли на югъ по долинѣ, а вскорѣ затѣмъ поднялись на небольшую плоскую возвышенность и, пройдя по ней еще версты двѣ, увидали въ SW направленіи огромную равнину, на которой мѣстами красовались жиденькія, лиственичныя рощицы и чѣмъ дальше къ западу и юго-западу, тѣмъ ихъ виднѣлось больше. Самая равнина, принимая дальше видъ волнообразно-холмистой поверхности, на сколько видно было глазомъ, имѣетъ замѣтный склонъ къ западу. Справа и слѣва отъ насъ (къ сѣверу и къ югу) тянутся въ обѣ стороны невысокіе холмы западной стороны Урала. Отсюда ясно виденъ весь постепенно-отлогій западный склонъ сѣверной части Урала въ противоположность крутой скалистой восточной его сторонѣ. На NW отсюда на краю горизонта, верстахъ въ 60—80, видна широкая синѣющая полоса. Зыряне сообщили намъ, что это начало тундры, прилегающей къ Ледовитому Океану. Вмѣстѣ съ тѣмъ проводникъ сказалъ намъ, что за ближайшей лиственичной рощей находится р. Харута—цѣль нашего путешествія. Силы наши поэтому удвоились; мы начали спускаться на равнину и, пройдя еще почти версты двѣ по лиственичной рощѣ, пришли на правый берегъ р. Большой Западной Харуты и остановились прямо противъ мѣднаго рудника, расположеннаго на лѣвомъ бе-

регу рѣки. Харута имѣетъ здѣсь сѣверо-западное направленіе. Ширина ея въ этомъ мѣстѣ отъ 10 до 15 саж., а средняя глубина около одного аршина; теченіе, подобно всѣмъ горнымъ рѣчкамъ, бурливо и со множествомъ пороговъ и подводныхъ камней. Русло рѣки сплошь состоитъ изъ большихъ и малыхъ, округленныхъ и гладко окатанныхъ водою кусковъ самыхъ разнообразныхъ горныхъ породъ. Между ними преобладаютъ голубой, зеленоватый и красный филлитъ (серицитовый), зеленовато-сѣрый глауконитовый песчаникъ, черный аспидный сланецъ, бѣлый, янтарно-желтый и красноватый кварцъ; попадаются также куски яшмы, мѣднаго колчедана и плохого ноздреватаго малахита. Правый берегъ, возвышенный (саж. 5—6 вышины) и крутой, образуетъ прекрасные выходы аспиднаго сланца, который выступаетъ здѣсь по всему берегу, сверху до низу, въ видѣ огромныхъ, налегающихъ одна на другую, черныхъ, съ прекрасными гладкими поверхностями плитъ. На этомъ сланцѣ сверху лежитъ тонкій растительный слой, служащій почвой для мха и тощихъ низкорослыхъ лиственицъ; на самомъ же берегу, ближе къ водѣ, среди мха попадаются и площадки, поросшія травой. Лѣвый берегъ низменный, покрытъ мхомъ и травой и, приблизительно на полверсты, открытъ, а дальше на немъ разбросаны небольшіе лиственичные перелѣски. Подпочва этого берега, какъ оказалось послѣ при шурфовкѣ, состоитъ преимущественно изъ такого же наноснаго слоя (мощностію около 3 арш.) округленныхъ обломковъ различныхъ горныхъ породъ, какой образуетъ и русло рѣки. Эти обломки горныхъ породъ лежатъ здѣсь или сплошной массой или же заключены въ слоѣ желтоватаго песка, или же мѣстами, преимущественно у самой рѣки, въ слоѣ чернаго глинистаго известняка, среди котораго попадаются и довольно хорошо образованные кристаллы известковаго шпата. Эта-то послѣдняя форма залеганія и сопровождается здѣсь отдѣльными гнѣздами мѣднаго колчедана и мѣдной малахитовой зелени. Мѣдный колчеданъ въ черномъ известнякѣ вмѣстѣ съ кристаллами известковаго шпата залегаетъ отдѣльными кусками до 3 и болѣе фунтовъ вѣсомъ. Онъ латунно-желтаго цвѣта, мѣстами побурѣвшій отъ выдѣлившейся, вслѣдствіе вывѣтриванія, окиси желѣза, мѣстами съ зеленоватымъ налетомъ углекислой мѣди. Образуетъ плотные аггрегаты, въ которыхъ отдѣльные кристаллы не вездѣ можно прослѣдить ясно; но тамъ, гдѣ это удается, они, повидимому, являются въ формѣ двойниковъ и часто съ повтореннымъ образованіемъ. Мѣдная малахитовая зелень встрѣчается такими же кусками и всегда въ близкомъ сосѣдствѣ, иногда даже въ одномъ кускѣ, съ мѣднымъ колчеданомъ. Она землиста, сильно пориста

и легко разсыпается въ порошокъ. Можно думать, что она произошла отъ вывѣтриванія кусковъ малахита, что подтверждается и тѣмъ, что многіе куски имѣютъ внутри болѣе плотную консистенцію и болѣе темный цвѣтъ, а также и форма многихъ кусковъ ея сохранила еще, повидимому, почковидное строеніе малахита. Вообще же, какъ мѣдный колчеданъ, такъ и эта малахитовая зелень, залегая гнѣздами въ наносномъ слоѣ лѣваго берега, являются здѣсь уже, очевидно, какъ вторичное мѣсторожденіе мѣдныхъ рудъ, и, если они попали сюда воднымъ путемъ—что болѣе, чѣмъ вѣроятно—то первоначальную родину ихъ нужно искать выше и скорѣе всего по берегамъ той же Харуты.

Тотчасъ по прибытіи на мѣсто мы занялись разборкой вещей, достали кайлы, ломы и лопаты и, перейдя въ бродъ на лѣвый берегъ рѣки, начали производить шурфовку. Всего сдѣлано было три шурфа: одинъ—на самомъ берегу, другой—саженяхъ въ двухъ отъ перваго и третій—на такомъ же разстояніи отъ второго, но въ косомъ направленіи къ береговой линіи. Въ пермомъ шурфѣ къ вечеру было добыто около 15 фунт. мѣдной руды; второй и третій не дали ничего. Поздно вечеромъ всѣ опять собрались на правомъ берегу, разложили костеръ и сварили похлебку и чай. Въ этотъ день у насъ вышло все мясо и послѣдняя горсть крупы; сухарей же еще могло хватить при очень скудномъ продовольствіи дней на 5—6, т. е. едва только достало бы на обратный путь до каюка. Поэтому нужно было немедленно рѣшить вопросъ, можно ли остаться на рудникѣ на болѣе продолжительное время, чтобы подробнѣе изслѣдовать лѣвый берегъ рѣки. Для всѣхъ теперь уже стало ясно, что о вторичной посылкѣ лошадей къ каюку за провизіей нечего было и думать. Бѣдныя животныя до того были измучены, что едва держались на ногахъ и походили на скелеты, обтянутые кожей. А если бы это было и возможно, то на доставку припасовъ съ каюка понадобилось бы по крайней мѣрѣ дней 10—12, т. е. вдвое больше того времени, какое мы могли бы прокормиться оставшимися сухарями. Предложено было пожертвовать одной лошадью и мясомъ ея пропитаться нѣкоторое время, но когда сказали объ этомъ зырянамъ, то они заявили, что скорѣе согласятся умереть, чѣмъ ѣсть лошадиное мясо; если же мы рѣшимъ остаться на Харутѣ, то они возьмутъ свою часть сухарей и уйдутъ пѣшкомъ въ Мужи. Въ виду такого заявленія рабочихъ оставалось только одно—скорѣе торопиться въ обратный путь. Поэтому весь слѣдующій день, 7-го августа, на ряду съ шурфовкой, шли и постепенныя приготовленія къ отъѣзду съ Харуты. Многія вещи, особенно одежда и обувь, сильно пострадали въ дорогѣ и требо-

вали починки; нужно было починить также и нарты, ибо нѣкоторыя готовы были совсѣмъ развалиться. За весь этотъ день добыто ничтожное количество руды. Очевидно, что она или совсѣмъ изсякла или же приняла другое направленіе; но бить новые шурфы у насъ не было возможности, и потому вечеромъ прекратили работу и кончили тѣмъ, что поставили новый заявочный столбъ на имя А. Сыромятникова, вмѣсто бывшаго тамъ заявочнаго столба Карпова.

IУ. Возвращеніе.

Съ ранняго утра 8-го августа начались приготовленія къ отъѣзду въ обратный путь. Починенныя нарты были снова нагружены багажомъ; но теперь онѣ были уже гораздо легче, какъ вслѣдствіе уменьшенія съѣстныхъ припасовъ, такъ и оттого, что всѣ желѣзные горные инструменты были оставлены на Харутѣ. Въ полдень всѣ сборы были окончены, и караванъ нашъ выступилъ въ обратный путь. Шли прежней, знакомой уже намъ, дорогой и часовъ около 5-ти пополудни остановились на ночлегъ вблизи лиственичной рощицы въ долинѣ рѣки Халимеръ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ во время передняго пути была наша обѣденная стоянка*).

На слѣдующій день съ самаго утра дулъ сильный и холодный сѣверо-восточный вѣтеръ. До обѣденнаго отдыха шли по прежнему пути и часа въ 2 пополудни остановились у подножія двухъ высокихъ горъ на берегу Малой Западной Харуты, гдѣ и раньше во время передняго пути останавливались на ночлегъ. Здѣсь рѣшено было измѣнить маршрутъ и отправиться черезъ ущелье, по которому въ 1885 году прошелъ Кольштедтъ. Этотъ путь, какъ сообщилъ намъ одинъ изъ нашихъ рабочихъ, бывшій въ экспедиціи Кольштедта, былъ труднѣе, но за то и гораздо короче нашего. Это послѣднее качество пути Кольштедта и заставило насъ, не колеблясь, отказаться отъ прежней нашей дороги и избрать этотъ новый путь, такъ какъ на прежнюю дорогу у насъ не хватило бы сухарей, даже при самыхъ ограниченныхъ порціяхъ.

Ущелье, по которому двинулся дальше нашъ караванъ, было узко и замкнуто съ обѣихъ сторонъ высокими и крутыми горами, лишенными всякой растительности и состоявшими, повидимому, изъ сплошныхъ массъ діорита. Горы эти мѣстами прорѣзываются

*) Мѣста ночлежныхъ остановокъ на приложенной здѣсь картѣ обозначены цифрами.

глубокими оврагами, въ которыхъ кое-гдѣ лежитъ снѣгъ. По дну ущелья протекаетъ широкій горный ручей, впадающій по выходѣ изъ него въ Малую Западную Харуту. Какъ и всѣ горные ручьи, онъ имѣетъ быстрое и бурное теченіе; все его русло и берега покрыты большимъ количествомъ гладко окатанныхъ валуновъ самой разнообразной величины и природы. Здѣсь были валуны изъ бураго вишнево-краснаго, фіолетоваго и голубого филлита, изъ зеленоватой породы, напоминающей серпентинъ, изъ разныхъ оттѣнковъ гранита, кварцита и пр. Обломки эти, очевидно, занесены сюда изъ другихъ мѣстъ бурными весенними потоками снѣговыхъ водъ, можетъ быть даже изъ поперечныхъ боковыхъ овраговъ; въ самомъ же ущельи нигдѣ не было видно выходовъ ни одной изъ упомянутыхъ горныхъ породъ. Ущелье идетъ въ NE направленіи, но дѣлаетъ на всемъ протяженіи нѣсколько изгибовъ. Весь вечеръ и ночь изъ ущелья навстрѣчу намъ дулъ очень сильный и холодный вѣтеръ, густые облака быстро неслись по вершинамъ замыкавшихъ ущелье горъ и, по временамъ, моросилъ частый, мелкій дождикъ. Вѣтеръ сильно затруднялъ путь и знобилъ насъ, несмотря на то, что всѣ были одѣты въ теплое платье. На ночлегъ остановились въ 7½ часовъ вечера и, напившись кое-какъ чаю, поспѣшили улечься подъ парусиновый навѣсъ, чтобы отдохнуть и согрѣться отъ усталости и стужи.

Утромъ 10 августа дулъ все тотъ же сильный и холодный вѣтеръ, и мы съ большимъ трудомъ, окоченѣлые, подвигались впередъ. Вершины горъ ущелья почти до полудня были окутаны облаками; облака эти быстро скользили по нимъ, гонимыя вѣтромъ. По мѣрѣ того, какъ мы подвигались дальше по ущелью, замыкавшія его горы становились все ниже и ниже, и, наконецъ, около полудня мы достигли вершины, или начала ущелья, представлявшаго огромный каменный завалъ. Подъемъ, или выходъ изъ ущелья, былъ загроможденъ огромными каменными глыбами, чрезъ которыя и предстояло теперь переправиться нашему каравану. Это было самое трудное мѣсто Кольштедтовской дороги. Нечего было и думать провести лошадей съ кладью. Поэтому сняли съ нартъ багажъ и перенесли его на рукахъ, а лошадей съ пустыми нартами проводили отдѣльно, по одиночкѣ. Переходъ черезъ это заваленное огромными угловатыми глыбами пространство, имѣвшее не болѣе 100—150 саженъ, отнялъ у насъ около 2-хъ часовъ времени.

Вѣтеръ между тѣмъ дулъ, казалось, еще съ большей силой и на вершинахъ Урала, куда мы теперь поднялись изъ ущелья, былъ еще холоднѣе. Несмотря на тяжелый подъемъ и усиленную работу, всѣ дрожали отъ холода. Быстро нагрузили снова нарты

и пошли дальше, чтобы хоть сколько-нибудь согрѣться ходьбой. Предъ нами была огромная открытая равнина, служившая здѣсь водораздѣльной площадью. Вдали, къ сѣверу и къ югу, разбросаны были невысокія отдѣльныя куполо-образныя и остроконечныя вершины (пики). Къ востоку и сѣверо-востоку равнина была открыта, и тамъ изъ нея выходило нѣсколько глубокихъ овраговъ—ущелій восточнаго склона Большого Урала. Полчаса спустя мы перешли водораздѣлъ. Барометръ здѣсь показывалъ лишь 711 mm, слѣдовательно, приблизительно мы находились на высотѣ полуверсты. Облака низко неслись надъ нами. Площадь водораздѣла и здѣсь представляетъ огромное болотистое пространство, покрытое нѣжнымъ ярко-зеленымъ мхомъ. Тамъ и сямъ видны небольшія круглыя площадки, лишенныя растительности и покрытыя щебнемъ и крупными обломками преобладающей здѣсь діоритовой породы. Повсюду струятся маленькіе ручейки необыкновенно прозрачной, но чрезвычайно холодной воды; далѣе они собираются вмѣстѣ и образуютъ одинъ большой ручей, имѣющій теченіе уже на востокъ. Ручей этотъ вдали уходитъ въ одно изъ глубокихъ ущелій, видныхъ на горизонтѣ къ востоку. Насколько можно заключить, оріентируясь по компасу, площадь водораздѣла, которую мы сейчасъ переходимъ, лежитъ почти на одномъ меридіанѣ съ той, которую перешли мы во время передняго пути 4-го августа, но въ разстояніи 6—8 верстъ къ сѣверу. Послѣ обѣденной остановки, которую сдѣлали на этой же водораздѣльной площади, перешли небольшую покатую возвышенность и достигли вершины одного изъ ущелій восточнаго склона. Это ущелье, или, вѣрнѣе сказать, широкая и глубокая долина, тянется въ NE направленіи и замкнута съ обѣихъ сторонъ крутыми и высокими, лишенными растительности, горами. Начинается оно тремя огромными оврагами, въ которыхъ лежатъ большія массы снѣга. Въ долину караванъ нашъ спускался по среднему оврагу, по одной изъ такихъ снѣжныхъ массъ. Это огромное скопленіе снѣга занимало всю вершину оврага на пространствѣ около версты въ длину. Здѣсь мы имѣли возможность, ставши на полозья нартъ, прокатиться по зимней дорогѣ. Лошади легко и весело бѣжали, и мѣстами ихъ приходилось даже сдерживать и тормозить нарты, которыя сильно раскатывались вслѣдствіе значительнаго наклона всего снѣгового поля. Снѣгъ на всемъ пространствѣ плотный, зернистый, кое-гдѣ совсѣмъ обледенѣлый. Мѣстами въ немъ образовались большія трещины на нѣсколько десятковъ саженъ. Ширина этихъ трещинъ доходитъ до 2 аршинъ, а глубина до 4—6 саженъ. Въ этихъ трещинахъ можно было ясно замѣтить три слоя, составляющихъ всю эту

снѣжную массу. Верхній зернистый слой снѣга, до 2—3 саженъ мощности, постепенно переходитъ въ плотный обледенѣлый молочно-бѣлаго цвѣта, а этотъ также незамѣтно сливается съ подлежащимъ слоемъ льда прекраснаго изумрудно-голубоватаго цвѣта. Это вѣчныя массы льда и снѣга, которыя, подтаивая въ нижнихъ своихъ частяхъ во время короткаго здѣшняго лѣта, съ избыткомъ пополняются въ продолжительныя и многоснѣжныя зимы. Спускъ съ снѣжнаго поля въ долину былъ крутой и тѣмъ болѣе затруднительный, что въ этомъ мѣстѣ верхній слой снѣга былъ покрытъ ледяной корой. Однако осторожно удалось спустить всѣхъ лошадей. Въ долинѣ насъ встрѣтилъ своеобразный, но величественный и не лишенный прелести и мелодіи концертъ многочисленныхъ горныхъ ручьевъ, выбѣгавшихъ изъ-подъ снѣжныхъ массъ и шумными каскадами скакавшихъ и пѣнившихся по крутымъ уступамъ горъ. Вблизи можно было ясно различить, какъ каждый участникъ этого концерта тянулъ свою несмолкаемую партію, но въ отдаленіи все сливалось въ общій шумъ, очень напоминавшій шумъ вѣтра въ лѣсу.

Бока оврага, гдѣ залегаетъ снѣжная масса, по которой мы сейчасъ спустились въ долину, состоятъ изъ огромныхъ толщъ голубоватаго, но побурѣвшаго съ поверхности отъ вывѣтриванія филлита. Дно оврага, по всей вѣроятности, образовано этой же породой, какъ можно догадаться потому, что вода большинства ручьевъ, вытекающихъ изъ-подъ снѣжнаго поля окрашена въ мутный голубой цвѣтъ, происходящій, вѣроятно, отъ размыванія вывѣтрившихся слоевъ голубого филлита. Такимъ образомъ порода эта выступаетъ здѣсь приблизительно на томъ же горизонтѣ, какъ и красный и голубой филлитъ, который мы раньше видѣли въ ущельи по обѣимъ сторонамъ Малой Западной Харуты, т. е. на западномъ склонѣ Урала. Весьма поэтому вѣроятно, что этотъ регенерированный глинистый сланецъ (серицитовый филлитъ) въ этомъ мѣстѣ залегаетъ мощными пластами во всю ширину цѣпи Большого Урала; діоритовыя же породы составляютъ на всемъ этомъ протяженіи покровы, вылившіеся изъ нѣдръ земли на первобытный сланецъ въ отдаленную эпоху поднятія Уральскаго хребта. Всѣ ручьи, вытекавшіе изъ вершины ущелья и изъ боковыхъ овраговъ, сливаясь вмѣстѣ на днѣ долины, образовали одинъ широкій и многоводный ручей. Чѣмъ дальше мы проходимъ по этой долинѣ вдоль ручья, тѣмъ она пріобрѣтаетъ болѣе привѣтливый видъ: голая каменистая почва ея, покрытая большими кучами остроконечныхъ глыбъ діорита и мелкимъ щебнемъ, смѣняется дальше зелеными моховыми лужайками; берега ручья окаймлены густымъ кустарникомъ тальника, а дальше видны и

тощія лиственицы—первыя деревья, которыя мы снова встрѣчаемъ на восточномъ склонѣ. Къ вечеру мы прошли одну маленькую лиственичную рощу и достигли выхода въ долину р. Тумбуловой. Оказалось, что долина, по которой мы шли доселѣ, была одной изъ поперечныхъ долинъ, выходящихъ въ большую долину р. Тумбуловой, а ручей, по берегу котораго мы шли, былъ притокомъ р. Тумбуловой. Такимъ образомъ мы находились недалеко отъ знакомыхъ уже намъ мѣстъ, и дальнѣйшій нашъ путь представлялся намъ, какъ мѣсто извѣстное. Перейдя въ бродъ р. Тумбулову, которая въ этомъ мѣстѣ была довольно глубока и раздѣлялась на нѣсколько многоводныхъ и бурныхъ протоковъ, мы остановились на ночлегъ на лѣвомъ ея берегу въ небольшой лиственичной рощѣ. Дорогой намъ удалось собрать много грибовъ, преимущественно сыроѣжекъ и груздей, такъ что мы могли доставить себѣ удовольствіе поужинать горячей грибной похлебкой. Вечеръ былъ холодный, а ночью вѣтеръ усилился до такой степени, что не разъ грозилъ сорвать и унести парусиновый навѣсъ, подъ которымъ мы спали.

На слѣдующій день утромъ, пройдя немного по лѣвому берегу рѣчки, перешли затѣмъ на правый и по этой сторонѣ шли уже до самаго выхода изъ Тумбуловской долины. Почва была вездѣ очень болотиста, и ноги глубоко вязли въ ней. Горы по обѣимъ сторонамъ высоки (саженъ 60—70) и круты какъ стѣна. Во многихъ мѣстахъ они образовали огромные обвалы каменныхъ глыбъ и крупнаго щебня. Около полудня вышли изъ Тумбуловской долины въ знакомую намъ уже по переднему пути обширную долину между Малымъ и Большимъ Ураломъ. Рѣка Тумбулова осталась теперь у насъ слѣва. Почва и здѣсь была чрезвычайно болотиста, вездѣ видны были большія лужи, какихъ мы раньше не замѣчали здѣсь, а попадавшіеся на пути ручьи были особенно многоводны. Все это доказывало, что въ то время, какъ мы были на Западномъ склонѣ Урала, здѣсь шли частые и обильные дожди. Эта же прибыль воды въ горныхъ рѣчкахъ вселяла въ насъ надежду, что и въ Нелькѣ и Войкарѣ вода должна была подняться, что очень облегчило бы наше плаваніе по этимъ рѣкамъ. Послѣ обѣденнаго привала, который былъ сдѣланъ въ лиственичной рощѣ вблизи холмовъ Малаго Урала, продолжали путь въ сѣверномъ направленіи и часовъ въ 5 пополудни остановились на ночлегъ почти противъ впаденія р. Кокъ-палы въ Тумбулову. Оставалось пути на одинъ переходъ и потому рѣшено было завтра рано отправиться дальше, чтобы къ полудню дойти до каюка. Весь этотъ день было довольно холодно; до полудня было пасмурно и вѣтрено, но потомъ небо совсѣмъ прочистилось

и вечеръ былъ ясный и тихій, но все-таки холодный (3° R.).

Въ 3 часа утра 12-го августа мы всѣ проснулись отъ холода: было—2° R. Густой иней покрывалъ одежду и всѣ наши вещи, а намерзшую и обледенѣлую обувь нужно было отогрѣвать у костра. День обѣщалъ быть прекраснымъ, и на небѣ не было ни одного облачка; солнце еще не показывалось. Быстро оживился нашъ бивуакъ подъ вліяніемъ бодрящаго утренника, и, не тратя времни, мы тотчасъ отправились въ путь. Скоро всѣ мы согрѣлись и весело шли впереди нашего обоза, а часамъ къ 6-ти утра уже были на мѣстѣ первой ночевки, у входа въ долину, прорѣзывающую Малый Уралъ. Дойти отсюда до р. Нельки было уже дѣломъ 3—4-хъ часовъ, и около полудня мы увидѣли нашъ каюкъ, благополучно стоявшій на своемъ мѣстѣ. Впрочемъ течь, которую дала наша лодка во время плаванія по Войкарскимъ порогамъ, не осталась безъ дурныхъ послѣдствій: въ каюкѣ оказалось болѣе 4 вершковъ воды, и былъ подмоченъ одинъ мѣшокъ сухарей. Какъ бы то ни было, но всѣ мы были очень рады благополучному возвращенію на каюкъ, гдѣ могли устроиться съ большимъ удобствомъ, а главное отдохнуть послѣ 12-ти дневнаго хожденія по Уралу. Въ эти 12 дней пути пѣшкомъ приблизительно было пройдено около 180 верстъ; каждый дневной переходъ продолжался среднимъ числомъ 8 часовъ, при чемъ каждый часъ проходили 1½—2 версты. Изъ всего этого разстоянія около 110 верстъ приходится на передній путь и верстъ 70 на обратный. Если принять во вниманіе неудобства и трудность всего этого пути, то будетъ понятно, что прибытіе на каюкъ составляло для насъ радостное событіе. Теперь оставался еще одинъ трудный вопросъ—это обратное плаваніе по Нелькѣ и Войкару. Но къ великой нашей радости оказалось, что вода въ Нелькѣ немного прибыла и потому, не теряя дорогого времени, тотчасъ начали нагружать каюкъ и собираться къ отплытію. Лошади съ проводниками и нартами оставлены были на берегу: имъ предстояло возвратиться въ Мужи сухимъ путемъ. Часовъ около 4-хъ пополудни лодка была нагружена, и мы начали спускаться по Нелькѣ. Опять знакомыя ощущенія: шумъ пороговъ, на которыхъ каюкъ нашъ поворачивало во всѣ стороны и било о камни, мели, царапавшія дно каюка и обычная въ этихъ случаяхъ команда и возгласы. Но за то на мѣстахъ глубокихъ и свободныхъ отъ пороговъ каюкъ шелъ ровно и быстро, и нужно было только управлять рулемъ, чтобы лавировать по извилистому теченію рѣки. Часовъ около 7-ми вечера попали на порогъ. Чтобы облегчить лодку, всѣ мы, кромѣ рулевого и нѣскольких рабочихъ, вышли на берегъ. Солнце начинало закатываться, и воздухъ быстро

остывалъ, несмотря на то, что днемъ было очень тепло. Вскорѣ настала темная ночь, а съ нею довольно сильный холодъ и сырость. Всѣ мы были легко одѣты и порядочно озябли; къ тому же, какъ на бѣду, ни у кого не оказалось спичекъ, чтобы разжечь на берегу костеръ и обогрѣться. Рабочіе между тѣмъ, по колѣна въ водѣ, возились около каюка, который, казалось, совсѣмъ приросъ къ подводнымъ камнямъ. Пробившись больше двухъ часовъ, они наконецъ перетащили почти на рукахъ каюкъ чрезъ огромный перекатъ и спустились еще около версты внизъ по рѣкѣ, гдѣ дальше опять былъ большой порогъ. Намъ пришлось итти до каюка по берегу въ совершенныхъ почти потемкахъ, пробираясь чрезъ густую заросль тальника, ежеминутно проваливаясь въ широкія трещины въ почвѣ и попадая въ ручьи. Какъ ни была неудобна эта ночная прогулка, но мы рады были согрѣться ходьбой и шагали по валежнику, кочкамъ и между густыми кустами, весело перекидываясь шутками. На берегу около каюка насъ ожидалъ большой, ярко пылавшій костеръ, вокругъ котораго стояли и грѣлись промокшіе и прозябшіе рабочіе.

Утромъ 13-го августа переходили порогъ, предъ которымъ провели ночь. Всѣ вышли на берегъ и спускали каюкъ бечевой. На этомъ порогѣ пробились часа три и дальше пошли по берегу вслѣдъ за каюкомъ, который плавно шелъ по серединѣ рѣки. Итти берегомъ было довольно затруднительно вслѣдствіе густого тальника и очень болотистой почвы: сучьями густой заросли намъ царапало руки и рвало платье, сѣсть же на каюкъ не рѣшались изъ опасенія сильно загрузить его, потому что рѣка въ этомъ мѣстѣ была очень мелка. Поэтому, чтобы прекратить неудобное шествіе по берегу, мы сѣли въ остяцкую лодку и поплыли впереди каюка, промѣривая вмѣстѣ съ тѣмъ и глубину рѣки. Каюкъ, плавно покачиваясь, плылъ вслѣдъ за нами.

Часовъ въ 12-ть подошли къ порогу, что противъ Шишкинской избушки, и здѣсь остановились для обѣденнаго отдыха.

Въ остяцкой лодкѣ переѣхали мы на другой берегъ—къ Шишкинскому амбару и оттуда тащили каюкъ бечевой, между тѣмъ какъ рабочіе, стоя въ водѣ, раскачивали его руками, чтобы столкнуть съ подводныхъ камней. Два раза рвалась бечева, и всѣ тянувшіе ее падали наземь. Только къ шести часамъ вечера удалось протащить каюкъ чрезъ порогъ и отправиться дальше.

Весь этотъ день стояла тихая теплая погода при почти безоблачномъ небѣ. Но мы теперь лучше желали бы дождя, чтобы поднялась вода въ Нелькѣ и Войкарѣ и облегчила намъ дальнѣйшее плаваніе. Впрочемъ остальную часть Нельки мы прошли безъ особыхъ затрудненій и часамъ къ восьми вечера достигли

устья рѣчки, гдѣ и остановились ночевать на лѣвомъ возвышенномъ берегу ея. Передъ нами опять былъ знакомый быстрый и порожистый Войкаръ, и у каждаго изъ насъ невольно являлась мысль: какъ-то онъ приметъ насъ на этотъ разъ. Воды здѣсь казалось больше, чѣмъ въ передній нашъ путь, и рабочіе выражали надежду, что мы благополучно спустимся по Войкару.

Утромъ, 14-го августа, мы поплыли внизъ по Войкару. Каюкъ нашъ шелъ со скоростью около шести верстъ въ часъ. За ночь вода, повидимому, прибыла еще больше, поэтому большая часть торчавшихъ прежде подводныхъ камней теперь скрылась подъ поверхностью рѣки, а пороги и перекаты казались менѣе бурливыми. Эти опасныя для насъ раньше мѣста мы проходили теперь легко и незамѣтно. Большіе пороги, на которые въ передній путь мы тратили по 2—3 часа, каюкъ нашъ проскальзывалъ въ 5—10 минутъ. Правда, въ этомъ быстромъ ходѣ нашей лодки было много риска—легко было налетѣть на подводный камень и пробить дно каюка. Но здѣсь нашъ кормчій, зырянинъ Егоръ, высказалъ большое знаніе своего дѣла: при помощи двухъ рабочихъ, которые стояли въ передней части лодки и слѣдили впередъ фарватеръ рѣки, онъ очень искусно направлялъ каюкъ черезъ пороги, перекаты и мимо подводныхъ камней. Я воспользовался ровнымъ ходомъ лодки и прослѣдилъ по компасу теченіе Войкара отъ впаденія рѣки Нельки до устья. Разстоянія опредѣлялись на глазомѣръ, а контролировалъ я ихъ по береговой линіи во время остановокъ. (Приложенная здѣсь карта даетъ довольно приближенное понятіе какъ о длинѣ рѣки, такъ и о ея направленіи). Весь день стояла ясная и теплая погода при небольшомъ сѣверо-западномъ вѣтрѣ. Къ вечеру мы достигли нижняго теченія Войкара, гдѣ воспользовались попутнымъ вѣтромъ, подняли парусъ и пошли со скоростью до 8-ми верстъ въ часъ. Вечеромъ прошли почти весь Войкарскій соръ, но выйти на Обь ночью не рѣшились, такъ какъ въ это время поднялся сильный вѣтеръ и большое волненіе. Поэтому остановились ночевать на одномъ изъ острововъ, подъ прикрытіемъ росшаго на немъ высокаго тальника. Скоро среди тальниковой рощи запылали яркіе костры, а на нихъ варился нашъ ужинъ. Ночь была темная, въ рощѣ тихо, но съ Оби и съ широкаго устья Войкара доносился ревъ бушевавшихъ тамъ волнъ.

Недалеко отъ нашей стоянки въ тальниковой рощѣ находилось мѣсто жертвоприношеній остяковъ-язычниковъ. Здѣсь, какъ говорили намъ гребцы-зыряне, нѣкогда стоялъ остяцкій идолъ „шайтанъ“. Въ жертву ему обыкновенно приносилась добыча охоты (преимущественно медвѣжьи, волчьи и лисьи шкуры),

а нерѣдко также и деньги. Но зыряне, издавна принявшіе христіанство, всегда враждебно относились къ идолопоклонству остяковъ: они уничтожали ихъ идоловъ и грабили принесенныя имъ въ жертву цѣнныя вещи и деньги. Нѣкоторые даже видѣли въ этомъ хорошее средство легкой наживы, и наши гребцы называли намъ нѣсколькихъ зажиточныхъ зырянъ изъ Мужей, разбогатѣвшихъ будто бы такимъ образомъ. Вотъ почему остяки всегда избирали для своихъ жертвоприношеній укромныя, малопосѣщаемыя, дикія мѣста, какъ нижнее теченіе Войкара, который вообще и до сихъ поръ считается у нихъ священной рѣкой. Это же опасеніе святотатственныхъ кражъ со стороны зырянъ, должно быть, является причиной и того, что нынѣшнія приношенія остяковъ не представляются ни для кого заманчивой поживой и состоятъ обыкновенно изъ ленточекъ и лоскутковъ разноцвѣтной матеріи. Много такихъ ленточекъ и лоскутковъ мы нашли и здѣсь въ рощѣ на сучьяхъ тала, подъ однимъ же деревомъ лежала очень плохая волчья шкура. Впрочемъ малоцѣнность нынѣшнихъ приношеній остяковъ-язычниковъ своимъ божествамъ можно объяснить еще и сильною бѣдностью, почти нищетой, развившейся среди нихъ въ послѣднее время вслѣдствіе безчеловѣчной эксплуатаціи ихъ русскими кулаками-рыбопромышленниками.

Рано утромъ, 15-го августа, пользуясь попутнымъ вѣтромъ, вышли на Обь. Здѣсь вѣтеръ былъ уже нѣсколько боковой, но все-таки можно было обойтись безъ помощи веселъ. Въ $12^1/_2$ часовъ дня мы прибыли наконецъ въ с. Мужи. Какъ мы рады были увидѣть снова людей и человѣческое жилье, чего не видали уже около мѣсяца. Здѣсь, между прочимъ, мы узнали печальную вѣсть, что въ Тобольскъ занесена холера. У каждаго почти изъ насъ были тамъ близкіе люди, и потому извѣстіе это для всѣхъ было тяжело. Рѣшили поэтому не засиживаться долго въ Мужахъ и поторопиться возвращеніемъ въ Тобольскъ.

Здѣсь мы вторично взвѣсились на вѣсахъ (первое взвѣшиваніе происходило предъ выѣздомъ изъ Мужей мѣсяцъ тому назадъ), чтобы опредѣлить измѣненіе въ вѣсѣ каждаго во время путешествія по Войкару и Сѣв. Уралу. Оказалось, что въ теченіе этого мѣсяца (съ 15-го іюля по 15-ое августа), каждый изъ насъ потерялъ $^1/_{20}$—$^1/_{15}$ своего вѣса, т. е. 5—7%. Эта потеря въ вѣсѣ была, конечно, результатомъ постояннаго движенія и скуднаго питанія, но за то общее состояніе здоровья всѣхъ было весьма удовлетворительно. Всякій городской житель могъ бы теперь позавидовать нашему прекрасному аппетиту, бодрому состоянію духа, крѣпкому и здоровому сну и, въ особенности, безразличному

отношенію къ разнаго рода неудобствамъ дороги и атмосфернымъ перемѣнамъ. Достаточно сказать, что за все время нашего пути никто изъ насъ, несмотря на самую неблагопріятную обстановку, не только не подвергался серьезному заболѣванію, но даже не испыталъ легкой простуды. Въ этой, если можно такъ выразиться, закалкѣ здоровья и поднятіи жизненной энергіи я вижу одну изъ самыхъ благодѣтельныхъ сторонъ нашей поѣздки на Сѣверный Уралъ—по крайней мѣрѣ для себя лично—и я смѣло могъ бы рекомендовать подобное путешествіе, какъ цѣлебное средство, всякому, кто подъ вліяніемъ расшатаннаго здоровья начинаетъ испытывать то непріятное чувство, которое называется равнодушіемъ къ жизни.

Въ Мужахъ были разсчитаны наши рабочіе-зыряне, такъ какъ ни одинъ изъ нихъ не брался везти насъ дальше—до Березова. Поэтому здѣсь были наняты трое новыхъ зырянъ, которые вмѣстѣ съ нашими рабочими составили полный комплектъ гребцовъ.

Въ 8-мь часовъ вечера 17-го августа мы вышли изъ Мужей и плыли вдоль лѣваго берега при тихой и теплой погодѣ и до ночлежной остановки сдѣлали около 7-ми верстъ.

18-го августа. Плыли при слабомъ южномъ вѣтрѣ и за весь день прошли лишь около 20-ти верстъ. Видъ Оби теперь значительно измѣнился сравнительно съ тѣмъ, какимъ онъ былъ во время передняго нашего пути. Безбрежныя прежде водныя пространства стали теперь уже и во многихъ мѣстахъ были ограничены выступившей изъ-подъ воды сушей. Тальниковыя рощи, стоявшія прежде совсѣмъ въ водѣ, обратились мѣстами въ низкіе, тинистые острова. Сорà сильно обмелѣли—по нимъ нельзя уже плыть въ нашемъ каюкѣ, и мы держимся Большой Оби.

19-го авг. Южный вѣтеръ до того усилился, что значительно затрудняетъ плаваніе на веслахъ. Поэтому бо̀льшую часть пути днемъ прошли бечевой съ завозомъ, т. е. завозили впередъ на маленькой лодкѣ бечеву, привязывали ее къ кустамъ тала, стоящимъ въ водѣ, и подтягивались съ каюка. Такимъ образомъ, днемъ было пройдено лишь около пяти верстъ, и только вечеромъ, когда стихъ вѣтеръ, пошли на веслахъ поскорѣе. Погода все время стояла ясная и теплая.

20-го августа. Съ утра дулъ почти попутный NW вѣтеръ, и каюкъ нашъ шелъ подъ парусомъ довольно быстро. Но около полудня вѣтеръ настолько ослабѣлъ, что дальше пришлось итти на веслахъ. Вечеромъ встрѣтили каюкъ, шедшій съ товаромъ въ Обдорскъ.—„Вы откуда?“—кричали съ нашего каюка, когда встрѣчный проходилъ мимо насъ.—„Изъ Тобольска!“—отвѣчали

намъ съ каюка.—„А что, какъ тамъ холера?"—„Ослабѣла, ослабѣла!"—кричалъ протяжно оттуда рулевой.—„А много ли всего умерло?"—„1800 по округу."—„А въ самомъ Тобольскѣ?"—„Человѣкъ пятьсотъ!". Такимъ образомъ, въ этотъ вечеръ мы получили нѣкоторыя непосредственныя свѣдѣнія о Тобольскѣ, который теперь сдѣлался для насъ чѣмъ-то желаннымъ, цѣлью нашего плаванія.

21-го и 22-го августа. Стояла теплая погода и все тотъ же непостоянный вѣтеръ. Плыли медленно по Малой Оби цѣлые дни безъ остановокъ; останавливались только для ночлега на низкихъ, недавно вышедшихъ изъ-подъ воды и густо заросшихъ тальникомъ пустынныхъ островахъ. Не было ни малѣйшихъ признаковъ человѣческаго жилья, и эта однообразная дикая мѣстность наводила, наконецъ, тоску. Обѣда мы не видали уже нѣсколько дней, чтобы не тратить времени, и только на вечернихъ стоянкахъ лакомились жиденькой просовой кашей; днемъ же мы питались исключительно сырой рыбой (которой я, впрочемъ, не могу ѣсть) и сухарями чернаго хлѣба.

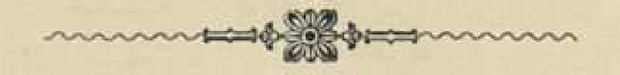
23-го августа. Съ утра шли при довольно свѣжемъ боковомъ и, по временамъ, попутномъ NW вѣтрѣ. Часовъ въ 12-ть увидѣли первое жилье—рыболовные пески Новицкаго. Здѣсь самъ хозяинъ радушно принялъ насъ и угостилъ произведеніями своего промысла—свѣжей щекуровой икрой и поземомъ (сушеной рыбой). Но мы болѣе всего были рады чаю, который подали намъ со сливками и свѣжимъ бѣлымъ хлѣбомъ—роскошь, отъ которой мы уже отвыкли. Здѣсь же мы нашли послѣдніе №№-ра „Сибирскаго Листка" и съ большимъ интересомъ набросились на извѣстія изъ Тобольска, преимущественно на холерные бюллетени. Дальше шли подъ парусомъ и довольно скоро, а вечеромъ, когда стихъ вѣтеръ,—на веслахъ. Ночевать остановились въ 9-ть час. вечера на сухомъ, песчаномъ берегу Малой Оби—въ тальниковой рощѣ. Вскорѣ огромный костеръ освѣтилъ нашъ бивуакъ и рощу. Ночь была тихая и теплая; полная луна поднялась изъ-за противоположнаго (праваго) берега и, пробираясь между легкими облаками, освѣщала широкую водную равнину Малой Оби. Б., К. и я, наслаждаясь прекрасной ночью, долго еще просидѣли у пылавшаго костра за вечернимъ чаемъ.

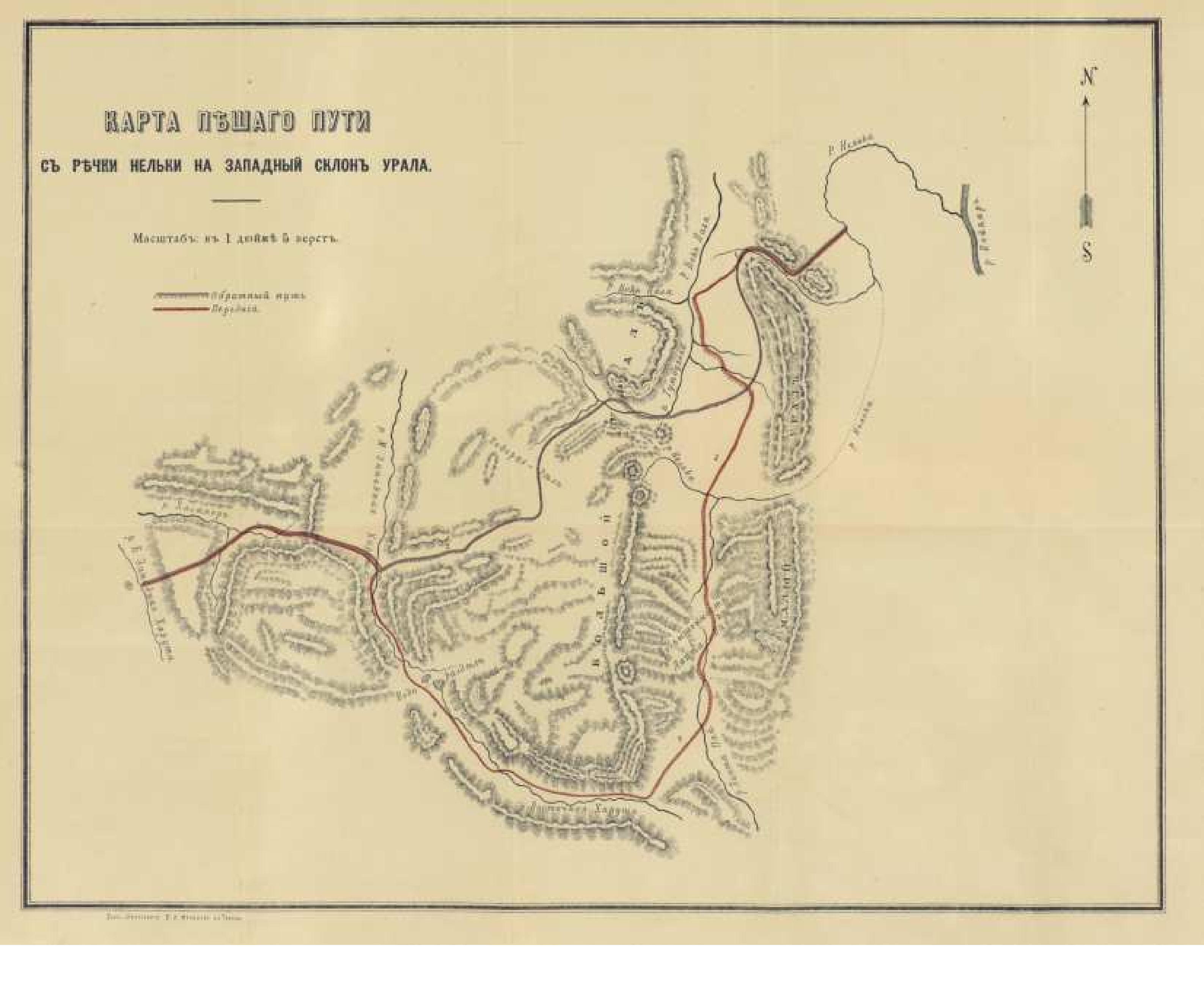
24-го августа. Цѣлый день была удивительная тишь; вода—какъ зеркало; въ полдень было даже жарко. Шли все время на веслахъ, а мѣстами пробовали и бечевой. Около полудня вошли въ Сосву, но граница между Малой Обью и Сосвой осталась для насъ незамѣченной вслѣдствіе большой еще воды, несмотря на то, что, какъ видно по слѣдамъ, оставленнымъ на стволахъ тала,

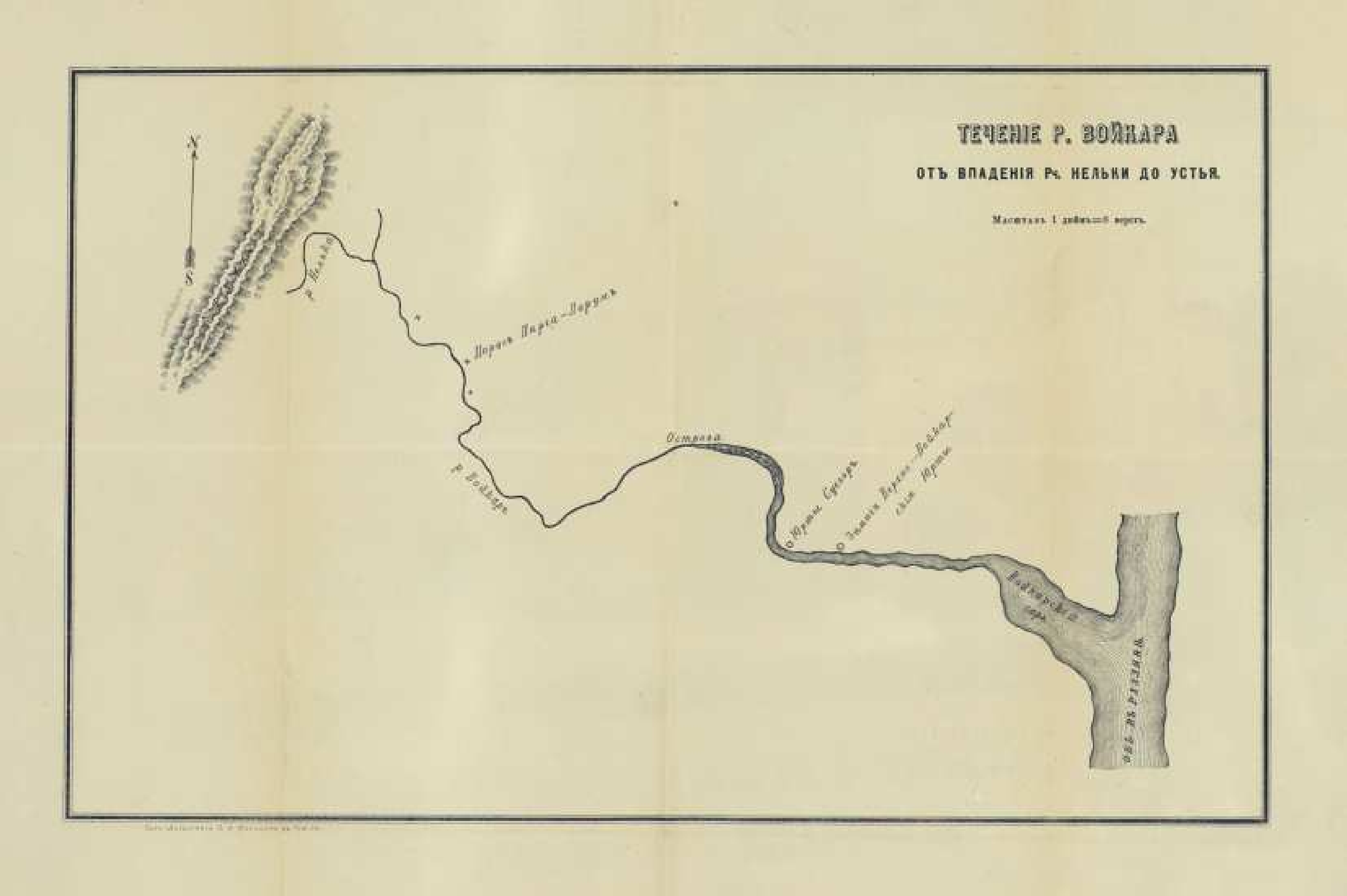
вода сбыла уже аршина на четыре. Вечеромъ встрѣтили остяка съ мальчикомъ, плывшаго въ маленькой лодочкѣ. Онъ сообщилъ намъ, что до Березова осталось верстъ 15—17, и совѣтовалъ плыть по протоку, съ лѣвой стороны Сосвы, гдѣ теченіе было слабѣе. Извѣстіе это было для насъ тѣмъ болѣе пріятно, что мы не знали хорошенько, гдѣ и въ какомъ разстояніи отъ Березова мы находимся. Сынъ остяка, хорошенькій мальчикъ лѣтъ 12-ти, идеальный брюнетъ, съ правильными чертами лица и прекрасными длинными черными волосами, очень напоминалъ извѣстный типъ мальчика-итальянца, который часто можно видѣть на гравюрахъ иллюстрированныхъ изданій. Онъ былъ положительно въ восторгѣ и просіялъ счастливой дѣтской улыбкой, когда дали ему ковшъ ржаныхъ сухарей. Хлѣбъ, очевидно, составлялъ для него лакомство, которое ему не всегда приходилось видѣть. Вообще на нижней Оби, въ этомъ царствѣ рыбы, хлѣбъ составляетъ довольно дорогой продуктъ. Даже значительно выше Березова на обратномъ пути намъ приходилось платить по 10 коп. за фунтъ чернаго хлѣба, да и то продавали неохотно, говоря, что у самихъ ѣсть нечего. Это, конечно, было результатомъ предшествовавшаго неурожая; но и въ годы, обильные жатвой, хлѣбъ на нижней Оби всегда въ цѣнѣ, какъ продуктъ привозный.

Утромъ, 25-го августа, при тихой ясной погодѣ мы подходили къ Березову. Рѣка у города сильно обмелѣла, и нашъ каюкъ остановился саженяхъ въ 50-ти отъ берега, куда переѣзжали въ маленькой лодкѣ. Въ Березовѣ мы получили новыя успокоительныя свѣдѣнія о холерѣ: по газетнымъ извѣстіямъ было видно, что болѣзнь въ Тобольскѣ почти совсѣмъ прекратилась. Здѣсь былъ оставленъ нашъ каюкъ, разсчитаны остальные рабочіе и штейгеръ, а также окончилось и наше совмѣстное путешествіе: С., А. и Б. остались въ Березовѣ въ ожиданіи перваго парохода, шедшаго въ Обдорскъ за рыбопромышленниками, а К. и я отправились 28-го августа на почтовой лодкѣ въ с. Самарово, куда и прибыли 7-го сентября утромъ, а оттуда на пароходѣ возвратились въ Тобольскъ.

И. Гурскій.

КАРТА ПѢШАГО ПУТИ
СЪ РѢЧКИ НЕЛЬКИ НА ЗАПАДНЫЙ СКЛОНЪ УРАЛА.
Масштабъ: въ 1 дюймѣ 5 верстъ.
Обратный путь
N
S

ТЕЧЕНІЕ Р. ВОЙКАРА
ОТЪ ВПАДЕНІЯ Рч. НЕЛЬКИ ДО УСТЬЯ.
N
S
Острова

25

Оттискъ изъ 1-го выпуска „Ежегодника Тобольскаго Губернскаго Музея“ за 1893 г.

Типографія Тобольскаго Губ. Правленія.

РНБ РУССКИЙ ФОНД
20.84.3.52